

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Мери Лу

ПЕПЕЛ

НАСЛЕДИЕ 2

Мери Ли
Пепел. Наследие 2
Серия «Пепел», книга 5

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67698618

SelfPub; 2023

Аннотация

Добравшись до города мёртвых и чудом выжив там, мы нашли мистера Хантера, но он не может вернуться в Хелл. У него имеется план, в который я оказываюсь втянута сама того не желая. Но у меня есть и другие проблемы, мне предстоит сделать выбор – остаться собой или измениться. Ведь теперь со мной он... незнакомец. И нам предстоит научиться уживаться, иначе я потеряю всё. Заключительная часть истории «Пепел». Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	20
Глава третья	30
Глава четвёртая	38
Глава пятая	50
Глава шестая	51
Глава седьмая	71
Глава восьмая	81
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Мери Ли

Пепел. Наследие 2

Глава первая

Майкл

Вхожу в маленькую комнату и быстро, но тщательно осматриваюсь. Стол, на нём толстый тлеющий огарок свечи, пламя вздрагивает из-за закрывающейся двери за моей спиной. Вокруг стола три деревянных стула, в углу комнаты полутороспальная металлическая кровать. На стене одинокая лампа, от которой без электричества нет никакого толку. Окна отсутствуют, единственный выход – дверь, которую подпирает спиной девушка, что подстрелила Убийцу. Хантер садится на стул и, расположив руки на столе, складывает их в форму домика, когда пальцы касаются друг друга, он кивает мне на стул напротив. Бросаю беглый взгляд на девушку и сажусь к ней спиной.

– Тебя долго не было дома, – говорю я, удобней устраиваясь на стуле.

– Дела, – отвечает Хантер.

Он смотрит на меня немигающим взглядом, и на мгновение этот самый взгляд меняется, становится немного иным, не таким хладнокровным, как всегда.

– Как там Саманта и Чарли?

– Живы, здоровы.

Услышав мой ответ, Хантер коротко кивает.

– Хорошо. Зачем ты здесь? – спрашивает он.

Интересный вопрос. Я знал, что, если Хантер жив и не возвращается домой, на это есть определенные причины. Ни одни стены не удержали бы его вдали от дома и тем более Саманты. Я всё понимаю, но он не может быть здесь, когда его город скоро склеит ласты и пойдёт ко дну.

– Хантер, прошло больше семи месяцев, пора вернуться домой.

– Пока не могу.

– Причина?

Хантер кивает на девушку у двери и отрывисто бросает:

– Она.

Не оборачиваясь, чтобы посмотреть на предмет разговора, задаю следующий вопрос:

– Кто она?

Девушка отлепляется от двери, проходит вглубь комнаты и садится на край кровати, осматривает меня слишком внимательным взглядом и, не прерывая зрительный контакт, спрашивает, обращаясь к Хантеру:

– Это что – твой сын?

– Нет, – говорю я.

– Да, – отвечает Хантер.

Встречаюсь с ним взглядом. Он практически не изменил-

ся с последнего нашего разговора вживую. Мы с ним похожи, но только лишь характером. Я благодарен ему за всё, что он для меня сделал, но сейчас не время для лирики. Он всегда учил, что чувства, любые чувства делают нас слабее и они никогда не должны быть на первом месте. Первое место занимает защита тех, кто в этом нуждается. Он кормил меня этим всю жизнь. Каждый раз, когда я уходил в патруль или на задание, что он мне поручал, я слышал одно и то же: "Ради нашего города и нашей семьи". Сейчас, как никогда раньше, наша семья, Хелл и другие города нуждаются в защите. Им нужен Хантер, а не его замена.

Девушка тяжело вздыхает, нарушает тишину и представляется:

– Моё имя Мишель Родригез. Мне двадцать четыре года и последние восемь месяцев я живу в этом замечательном месте. А ещё я по совместительству дочь Пабло Родригеза, главы Коалиции. Одного из трёх глав Коалиции.

После этих слов, Мишель полностью привлекает моё внимание. Ещё раз оглядываю её с ног до головы. Брюнетка, рост примерно метр шестьдесят, зелёные глаза, уверенный взгляд и самовлюблённость, именно она первым делом бросается в глаза.

– Что ты здесь забыла? – спрашиваю я.

– Папочка отправил меня в отпуск.

Брюнетка пожимает плечами и продолжает скучающим тоном:

– Так считают практически все. Даже моя мама и младший брат. Правду знают только люди, что живут здесь, и горстка прихвостней папочки.

– По порядку, Мишель, – говорит Хантер, и девушка тут же замолкает. – Во-первых, как ты мог догадаться, наши переговоры с Коалицией не прошли успешно. Они хотят ввести Хелл, Крест, Подземелье и Возрождение в состав Коалиции.

– Это плохо? – спрашиваю я, потому что понятия не имею о чём идёт речь. Коалиция долго ходила вокруг да около наших городов. Они многое требовали, но о таком речь ранее не заходила. Или мне не сообщили.

Мишель снова вступает в разговор:

– У Коалиции немного странное понимание строя жизни общества.

– Какое? – спрашиваю я.

– Немного рабское, – отвечает Мишель, снова пожимая плечами.

Это действие единственное, не считая слегка учатившегося сердцебиения, говорит о том, что она как минимум взволнована этой темой.

– В состав Коалиции входят три больших города. По сравнению с Хелл, это огромные города. Но кроме них есть ещё тринадцать городов. Мелких, но нужных. Все они согласились, так или иначе, войти в состав Коалиции, – сообщает Хантер.

Мишель фыркает и продолжает:

– И теперь там рабы. В прямом смысле слова. Все мелкие города делятся на три типа. Первые, самые покладистые, и ими максимально легко управлять. Главы этих городов добровольно соглашаются передавать все ресурсы и знания Коалиции. Предводители *покладистых* городов остаются у руля и, по сути, живут так же, как и жили, только изредка посещают столицу и веселятся там. Но люди, обычные, не рождённые с золотой ложкой в зубах, становятся рабами, им не платят, не помогают, не лечат. Второй вид городов – *менее покладистые*, это города, где правителям не плевать на своих людей. Знаешь, что с ними делает Коалиция? Всю правящую семью выводят на площадь и показательно казнят. Казнят так, чтобы видел весь город от мала до велика. Коалиция отрубает головы и ставит их на пики прямо в центре поселения. И снимать эти напоминания нельзя. Никогда. Но зато появляются вакантные места, на которые Коалиция сажает своих людей. Что касается обычного люда, простой народ ждёт то же самое, что и в покладистых городах, они становятся рабами и пахут на благо Коалиции до конца жизни, а она становится куда быстротечнее. Есть и третьи города, где люди, как и правление, воспротивились новому строю и взбунтовались.

Мишель заканчивает свой рассказ и слишком внимательно всматривается в моё лицо. Что она хочет там увидеть? Удивление, шок, сомнение? Ей не суждено рассмотреть на моём лице ничего. Не настолько шокирующие вещи она мне

рассказала. Я видел и пострашнее.

– Что с третьими городами? – спрашиваю я, возвращая всё внимание на Хантера.

Глава Хелл наблюдает за танцем пламени свечи и отвечает:

– Ты сейчас в одном из этих городов. Такие города отныне принадлежат тварям и сюда ссылают тех, кто неугоден Коалиции. Знать и военных, тех, кто знает о существовании законсервированных городов. Все боятся сюда попасть, некоторые выбирают смерть на месте, чем ссылку сюда.

Снова возвращаю взгляд на Мишель, она выразительно приподнимает брови, а я спрашиваю:

– Даже свою дочь?

Девушка хмыкает и говорит:

– Тем более меня.

– Почему? – спрашиваю я.

– Она против, – говорит Хантер. – Она против рабства и пыталась свергнуть своего отца. И тогда один голос из трёх правителей был бы за мирное существование, за более равноправное. Но у неё не вышло. Мишель прокололась, доверившись не тому человеку.

Девочка решила поиграть в супергероя, но не вышло. Коалиция для нас опасна, но сейчас меня куда больше интересует Хелл и мутанты, что идут по следам Джил.

Хантер отрывает взгляд от пламени свечи, но оно по-прежнему блестит в его глазах. Спрашиваю напрямую, у

меня нет времени на недомолвки или секреты, возможно, именно сейчас за стенами города мёртвых собрались тысячи мутантов и тогда мы все мертвы. И Хантер, и дочь главы Коалиции. И Джил.

– И что ты тут делаешь?

Хантер раздумывает, но в итоге отвечает:

– Когда-то я сам был рабом. И в моей жизни появился человек, который умными решениями и хитросплетениями изменил мой мир, – Хантер простреливает меня взглядом. – Твой мир он тоже изменил.

Я понимаю, о ком именно идёт речь. О сером кардинале Четырёх городов. О человеке, о заслугах которого знает не так много людей. И с каждым годом осведомлённых становится всё меньше и меньше.

– Ты о Саито Фудо? – всё же уточняю я.

– Да. Сейчас я делаю то же самое. Я и Майкл.

Про Майкла мы даже не успели спросить. Как только Хантер появился перед нами в подвале, кивнул мне, развернулся и пошёл обратно. Я последовал за ним, а Мишель за мной, остальные остались за пределами этой комнаты.

– Где он?

– В столице Коалиции – Кортрок. Примерно один раз в неделю прилетает вертолёт и увозит одного из нас в столицу. Тем самым главы Коалиции показывают, что сотрудничают с нами. Что мы тоже принадлежим им.

– Но это не так.

– Нет. Я не могу позволить чужакам завладеть Хелл. Мой сын никогда не будет рабом. Ни при моей жизни это уж точно.

Прикидываю возможные развития событий и спрашиваю:

– Война?

– Не вариант, – отвечает Хантер и бросает взгляд на Мишель.

Девушка объясняет:

– У Коалиции есть оружие. Такое, что может уничтожить ваши города за один залп, но страшнее этого, что они могут запечатать город и распылить мутаген, и тогда все жители станут тварями. Война с ними – это смертельный приговор. Да и людей, военных и продовольствия у Коалиции куда больше, чем у вас. Это бесполезно.

– У них есть мутаген? – спрашиваю я.

Моментально вспоминаю маленькие клетки, внутри них беззащитные дети. Дети, у которых даже не было имён, только цифры. Упорядоченные номера.

Это воспоминание моего детства. Тогда уже пытались создать мутаген, тот, что из детей сделает воинов, неуязвимых и беспощадных. Я даже не знаю, родился ли я таким, как Чарли, или меня скроили учёные.

Вспышки воспоминаний всегда нечёткие. Но я помню боль, голод, холод и нескончаемые эксперименты. Иглы и людей в белых халатах. Я помню своё непонимание происходящего. До того как меня увезли к Сенатору в Подземелье,

я даже не подозревал, что дети могут жить не в клетках.

Я помню шокер. Тот самый, которым меня без конца обучали. Я ел то, что не станет употреблять в пищу ни один человек в здравом уме.

Из-за фанатично настроенного человека я жил в аду, до появления Джей. Именно она спасла меня. Я кристально чисто помню тот дождливый день, когда мы бежали. До того момента я даже не знал, что такое бегать.

– Да. И он постоянно разрабатывается и обновляется. С помощью крови таких как мистер Хантер и мистер Майкл, – говорит Мишель и тут же добавляет. – И ты.

– И сколько у Коалиции таких, как... мы? – спрашиваю я.

– За всё время было двадцать четыре мужчины, осталось семь. Двое из которых уже больше похожи на трупы, чем на живых людей. Мистер Хантер забыл упомянуть, что сразу же после того, как их показывают на всяких приёмах и званых вечерах, то ведут в лабораторию к доктору наук мира "после" – Стивену Бринену. Там они немного страдают, а потом возвращаются сюда.

Понятно. Очередные учёные, которые сделают только хуже для истерзанного мира. Возвращаю всё внимание к Хантеру и спрашиваю:

– Для чего Коалиции наши города?

– Люди, самый ценный товар в наше время. У них есть город, где женщины служат инкубатором для рождения нового поколения. После рождения, примерно через год детей

увозят в столицу. Там начинается воспитание с безукоризненной верой в Коалицию и её устои. Люди нужны для защиты. Люди нужны для развлечений. Люди нужны для работы: посевы, заготовка древесины, строительство, медицина и многое другое. Но наши города ценны каждый по-своему. Возрождение, там лаборатория, данные из которой могут послужить целям Коалиции. Хелл их привлекает Ареной Смерти, они вновь хотят запустить гладиаторские бои и возить в *мой* город знать, которой вдруг станет скучно. Подземелье они полностью изменят, там больше не будет университета, тюрьмы и прочего, из него они сделают убежище, на случай ядерного удара.

Вот только этого не хватало.

– У них есть ядерное оружие? – спрашиваю я.

– К сожалению, да.

Хантер немного наклоняется вперед и вглядывается мне в глаза.

– Майкл, они не готовы оставить нас в стороне. Коалиция не приемлет отказов, а я не позволю моим людям стать скотом.

Я и не сомневался.

– Я понял. У Коалиции есть свои люди в наших городах? Откуда они узнали о лаборатории Возрождения, об Арене Смерти?

– Я долго не мог понять, откуда именно утекает информация. Есть предатель, но кто это, пока для меня загадка, –

заканчивает Хантер и сжимает пальцами переносицу.

Но я, кажется, знаю, кто предатель.

– Сколько с тобой людей? – спрашивает Хантер, убирая руку от лица.

– Две группы по десять человек и пара у машин.

– Оружие?

– Достаточно. Но оно за городом.

– Оружие нужно отдать Мишель и её людям. А также отдать приказ уйти со стены и убрать машины, как можно дальше от города. Замаскировать их и не подавать вида жизнедеятельности, до отлёта вертолёта. Он прибудет завтра на рассвете. Иди с Мишель и принесите сюда оружие, – приказывает Хантер.

Но я не спешу выполнять приказ. Смотрю правителю Хелл в глаза и говорю:

– Хантер, я пришёл сюда не для твоего спасения, а ради спасения Хелл.

– Я не могу покинуть это место, иначе Хелл перестанет существовать. Я не могу покидать даже это здание, – Хантер немного хмурится и, откинувшись на спинку стула, спрашивает. – Чарли не справляется?

– Не так, как ты, – отвечаю я и начинаю рассказ. Я доложу Хантеру всё, кроме одного. Есть информация, которой я поделиться не могу. – У нас произошёл ряд событий, которые привели к недопониманию между городами.

– По порядку.

– Всё началось с нападения на лабораторию в Кресте. Вся кровь Майкла, как и вакцина были уничтожены. Джей попросила меня привезти Джил домой. Я это сделал, и в одну из ночей Джей обратилась. Она нападала на всех, кто был в доме, я её усмирил и заковал в цепи. Гриро застрелил Джей, обратил это событие против нас. Против меня лично. Он распространил информацию, что я убил Джей и похитил её дочь.

– Джей мертва. Ты преступник Четырёх городов.

– Да. Чарли пустил меня в Хелл. Позже, на город напали мутанты. Хелл окружен людьми Креста. Гриро запросил Совет, который уже прошёл, но его люди остались в городе.

– Сколько?

– Сто пять человек.

– Как ты думаешь, Чарли удержит город в течение месяца?

– Не уверен. Но теперь ты понимаешь, кто является предателем.

– Гриро.

– Да.

Хантер снова возвращает свой взгляд к тлеющему огарку свечи и говорит:

– Принеси оружие, а я пока решу, как нам быть дальше.

Ничего не говоря, поднимаюсь со стула, Мишель встаёт с кровати, она идёт первая и, открывая дверь, отступает в сторону. Выходим из комнаты Хантера и быстрым шагом проходим сквозь подвал с кроватями. Джил и Кейт сидят на од-

ной из них, Убийца и Боб стоят рядом. Ловлю взгляд Джил. Наши глаза вступают в немой диалог, я киваю ей, и плечи девушки немного расслабляются, но на её лице по-прежнему написана вся растерянность мира.

– Всё хорошо, – тихо говорю я ей и иду дальше.

Люди Мишель больше не направляют автомат на мою группу, но и не сводят настороженных взглядов.

Поднимаемся по лестнице, Мишель кладёт свою ладонь мне на спину между лопаток и проводит вниз. Какого хрена?

– Я бы не советовал, – ровно говорю я.

– Я вроде советов и не спрашивала. Сложно удержаться, когда вокруг меня те, кого я принимаю за семью. А тут появляется красавчик, да ещё и с такой рельефной спиной и задницей. Не удержалась.

Никак не комментирую её слова. Поднимаемся на этаж, где был подстрелен Убийца.

Молча подходим к окну, через которое попали сюда. Мишель объясняет, как мы доберемся до края города. Я связываюсь по рации с Лиамом, и мы отправляемся в путь.

Покидаем здание всё через то же окно, но не спускаемся, как я думал, а, наоборот, лезем на самый купол. Оказавшись там, я могу рассмотреть весь ужас этого города. Всё разрушено, а по улицам ходят толпы тварей.

– Среди них нет детей, – замечаю я.

– Твари их съели первыми, полностью. Всех, – говорит Мишель и указывает на доски, что соединяют это здание и

соседнее с ровной крышей.

Переходим туда и оказываемся на месте, где садится пресловутый вертолет. Это понятно и без слов. Крыша чистая. На ней нет даже камня, винты в движении расчистили площадку.

– Дальше идём по крышам, тут мне понадобится сила твоих рук, – девушка указывает на довольно простую конструкцию из досок и веревок.

Осматриваю соседние здания и замечаю несколько идентичных переправ. Тяну за веревку и прокладываю мост от одного дома к другому. Проходим по достаточно хрупким конструкциям.

– Коалиция может заметить эти доски.

– Они тут не задерживаются. Прилетают, высаживают одного из ваших, забирают другого и улетают, – поясняет Мишель.

Продолжаем движение в тишине, но я задаю вопрос, который так и вертится у меня в голове:

– Почему ты не ушла отсюда?

– Куда?

Мишель печально улыбается и останавливается возле следующей конструкции:

– Я не могла. Будь я в другом месте, то тех людей, что прячутся под куполом уже не было бы в живых. Я вырывала их из пастей тварей и спасала. А через месяц сюда привезли мистера Хантера и мистера Майкла. Всё изменилось.

Появилась новая цель, которая теперь важна не только для меня, но и для многих. Впервые я увидела мистера Хантера ещё в столице и сразу поняла, он тот, кто способен изменить мир. – Мишель бросает на меня косой взгляд. – И ты. Ты тоже способен изменить мир.

– Х-м.

– Твой взгляд, – говорит Мишель, бросая легкую улыбку. – Он говорит о том, что ты сделаешь всё возможное, чтобы изменить мир к лучшему.

Не понимаю я людей, которые считают себя всезнайками.

– Меня это не интересует. Главное защитить свой дом, а о мире пусть думают альтруисты.

– Ты лукавишь. Ведь *та* девчонка живёт в *этом* мире.

Вот теперь Мишель привлекла к себе моё стопроцентное внимание. Молча смотрю на девушку, она выгибает бровь дугой и поясняет:

– Да, я видела, как ты подступил к кудрявой, ты бы бросился под пули, по взгляду видно было. Я уверена, что никто этого не заметил. Всё произошло мгновенно. Открылась дверь, и ты тут же очутился возле девушки. Хотел защитить? Тогда слушай меня, – Мишель подходит ко мне максимально близко и вскидывает голову, тычет пальцем мне в грудь и продолжает. – Она живёт в *этом* мире, в мире, которым скоро будет править Коалиция, а это куда хуже мутантов и тварей. Свергнешь Коалицию и только тогда ты сможешь обезопасить *её* жизнь.

Смотрю на девушку и ничего ей не отвечаю. Да она была права в том, что я подступил к Джил, когда открылась дверь, но Мишель это никаким боком не касается. И если она хочет считать себя самой умной и проницательной, то не мне переубеждать её. Мишель перестает тыкать мне в грудь пальцем, теперь она расправляет ладонь и медленно ведёт рукой вверх. Привстаёт на цыпочки, бросает взгляд на мои губы и снова возвращает его к глазам. Я накрываю её руку своей, склоняюсь к её лицу и тихо говорю, смотря прямо в глаза:

– Идём дальше.

Отвожу её руку от себя и продолжаю путь.

До самой стены мы движемся отлажено и точно. Мишель не нужно что-то говорить, она жила здесь очень долго. На стене нас уже ожидает Лиам, забираем оружие и парня с собой. Возвращаемся, по пути опускаю все мосты и бросаю последний взгляд из окна здания под куполом на город. Хелл не станет таким. Никогда.

Глава вторая

Джил

Когда мистер Хантер забрал с собой Майкла и девуцу, мы остались сидеть в подвале с незнакомыми людьми. Отлично уже то, что мы живы, нашли мистера Хантера и на нас больше не наставляют оружие. Время, что кажется тянулось бесконечно, резко ускорилося, когда Майкл и девушка вышли из темноты. Майкл ловит мой взволнованный взгляд и, кивнув, говорит:

– Всё хорошо.

Не останавливаясь, Майкл и девушка проходят мимо нас, и я поворачиваюсь в сторону, откуда мы ранее пришли.

Провожая их взглядом до последнего и вижу, как брюнетка гладит Майкла по спине. Её рука медленно опускается с лопаток до...

Какого хрена?

В груди образуется камень из породы, которую невозможно разбить даже кувалдой. Что это было? Куда они ушли? Почему она его *трогает*? Руки бы ей поотрывать!

А я так и сижу, смотрю на лестницу, хотя там уже никого нет. Из темноты на противоположной стороне подвала доносится голос мистера Хантера:

– Джил, иди сюда.

Встаю с кровати и на негнущихся ногах иду в сторону тем-

ноты. За последние часы произошло слишком много ужасных вещей, но мой мозг возвращается к женской руке на спине Майкла. Подойдя достаточно близко, различаю небольшой коридор, а в конце приоткрытую дверь. Вхожу внутрь и встречаюсь глазами с мистером Хантером.

– Соболезную, – холодно говорит он.

Ничего не отвечаю, лишь киваю в ответ. Мистер Хантер садится за стол и указывает мне на стул, что находится с противоположной стороны от него. Опускаюсь на деревянное сиденье и спрашиваю:

– Где папа?

Сердце сжимается в ожидании ответа. Он не мог умереть! Я отгоняю эту мысль как только могу, но она смерчем возвращается и кружит надо мной.

– С ним всё в порядке. Он жив, но его пока тут нет.

Протяжно выдыхаю, и улыбка непроизвольно появляется на лице. Жив. Но моё поднявшееся настроение моментально сбивает мистер Хантер.

– Я понимаю, как тебе сейчас тяжело, но ты ничего не должна говорить отцу о трагедии.

– Что?

– Не сейчас. Джил, на данный момент у нас более масштабная проблема, и я не могу позволить Майклу покинуть этот город. Нам осталось подождать примерно две недели. Не больше. Немного времени, это всё что нам сейчас нужно.

– Но, как я могу ему не...

– Солги, – отрезает мистер Хантер. – После завершения нашего дела, скажешь, что это я приказал тебе солгать.

Что за дело? Но я не буду задавать мистеру Хантеру подобные вопросы. Он не ответит. Но я знаю точно, что папа сразу же поймёт, если я скажу ему неправду. Он имеет право знать, что его жены больше нет в живых.

– Я не смогу, – в итоге пишу я.

Мистер Хантер откидывается на спинку стула и, глубоко вдохнув, говорит:

– Я тебе кое-что объясню. Выживший мир намного больше, чем мы думали. Ты знаешь, что кроме наших четырех городов есть и другие. Так вот. В сравнении с этими гигантами, Хелл, Крест, Возрождение и тем более Подземелье – это маленькие никому ненужные камни. И Коалиции неважно, что на этих камнях живут муравьи. Они растопчут нас. Уничтожат. И для того, чтобы этого не произошло, Майкл должен быть здесь ещё две недели. Потом нас с ним увезут в столицу Коалиции, мы сделаем там то... что должны и после ты расскажешь ему всё. Не раньше.

Мистер Хантер не умеет просить, он всегда приказывает.

– Почему две недели?

– Я не могу рассказать тебе всего.

– Почему?

– Если ты окажешься в руках Коалиции, то всё расскажешь, и тогда погибнут тысячи людей. Детей, стариков, женщин.

Отвожу взгляд от мистера Хантера и концентрируюсь на танце огня у свечи. Из-за меня и так погибли многие. Рик, Ронда, Мэтью, сотни людей при нападении мутантов на Хелл. Слишком много. Я не могу стать виновницей ещё больших потерь. Но я шла сюда с тем, чтобы рассказать папе, как Гриро предал его и убил маму. Но ведь уже прошло больше месяца со смерти мамы, и папа жил тут, не зная об этом. Две недели. Всего четырнадцать дней. Не так уж и много. Возвращаю взгляд на суровое лицо правителя Хелл и говорю:

– Я подумаю.

– Подумай. А пока парни отведут вас в сектор, где они живут.

– А вы? Где живёте вы и папа?

– Я здесь. Вторая комната, прямо за стеной, там живёт твой отец. Мы не можем покидать подвал.

– Почему? – хмурясь, спрашиваю я.

Мистер Хантер вытягивает ногу в сторону и приподнимает штанину. На лодыжке красуется металлический ободок с мигающей красной кнопкой.

– Мы, вроде как, на домашнем аресте, – нехотя поясняет он.

Так вот почему они так долго были без связи. Им не покинуть это место. Догадываюсь – это дело рук Коалиции, но расспрашивать мистера Хантера не стану. Несмотря на то, что я знаю его всю жизнь, я не испытываю к нему привязан-

ности. Он настолько холодный и далёкий от обычного мира, что в его компании становится зябко и волнительно. Я каждый раз боюсь сказать что-то лишнее или сделать какое-то глупое действие. Кажется, что глава Хелл подмечает всё и может использовать это против тебя и даже глазом не моргнет. Я знаю, что мистер Хантер убил бы мою маму ещё двадцать лет назад. Он бы сделал это, но папа не дал. Иногда мне кажется, что мистер Хантер вовсе не человек.

– Когда папа...

– Завтра. Его привезут завтра утром.

– Я могу остаться в его комнате.

– Можешь, но я бы не советовал. В подвале слишком много крыс.

Бр-р-р.

Завтра. У меня есть ночь, чтобы придумать, как солгать отцу. Но у меня есть ещё один вопрос, который мучает, и даже страх ляпнуть что-то не то в присутствии мистера Хантера не помогает удержать язык за зубами:

– Куда ушёл Майкл?

Не меняясь в лице, мистер Хантер отвечает:

– У него задание.

– Вместе с...

Мистер Хантер сощуривает глаза и отвечает:

– Её зовут Мишель. И да. Задание у них одно на двоих.

Одно на двоих. *Конечно же.*

На этом наш разговор заканчивается. Выхожу из комнаты,

и нас тут же уводят наверх. Если судить по лестничным пролётам, то на второй этаж. Проходим в дальний конец узкого коридора и, оказавшись перед очередной дверью, я слышу за ней тихие голоса.

Один из вооруженных людей открывает дверь, пропускает нас вперед, и мы оказываемся в небольшой комнате. Тут всего семь человек. Три женщины, подросток и три мужчины. Они оборачиваются и, увидев нас, замолкают.

– Это новенькие, – произносит грубый мужской голос человека, что открыл дверь.

Провожатые уходят.

Тишина. Переглядываемся с местными. Никто не делает первого шага, мы как стеснительные дети, лупаем друг на друга глазами. Кейт тяжело вздыхает и проходит вперед. Оказавшись напротив первого мужчины, протягивает руку и представляется. Он смотрит на неё, выпучив глаза. Она повторяет, но её интонация меняется, становится такой, словно она разговаривает с ребенком, который ей совершенно не нравится:

– Моё имя Кейтлин, а твоё?

Мужчина вытирает правую ладонь об изношенную штанину синего цвета и, приняв руку Кейт, отвечает:

– Ленни.

– Приятно познакомиться, Ленни, видишь, было совершенно несложно, – Кейт оборачивается на нас и представляет, – это Джил, Убийца, а тебя вообще как зовут?

Военный, что был с нами, сжимает пальцами переносицу, улыбается и говорит:

– Боб.

– А это Боб, – повторяет Кейт.

Ленни, кажется, совершенно выбит из колеи, но всё же приходит в себя и представляет нам всех. Но я даже не слушаю произнесённые имена. Осматриваю место. Это что-то наподобие казармы. Двухъярусные кровати стоят вдоль одной стены. Два длинных стола вдоль другой. Окон нет. Везде валяются тряпки и рюкзаки.

– Можете занять те кровати у стены, – говорит женщина. – Они пустуют уже четыре месяца.

Не уточняю, почему они пустуют. Прохожу туда и забираюсь на верхний ярус. Кейт ложится на соседнюю кровать, Убийца занимает место под ней. Боб оказывается в другой части комнаты. Кровать подо мной пустует. Надеюсь, тут будет Майкл. Так мне спокойнее. И я должна обсудить с ним будущий разговор с папой. Я не смогу солгать ему. Просто не смогу. Папа поймет. Да я и не хочу обманывать его. Но тогда на мне будут висеть обреченные жизни множества невинных людей.

Я не дожидаюсь Майкла. День был долгим и утомительным.

Ожидание ужасного и адреналин, сменяющие друг друга, вымотали меня. Под тихий разговор Убийцы и Кейт я проваливаюсь в сон. А просыпаюсь, когда уже все обустроились

на своих кроватях и, кажется, спят. На дальнем столе горит свеча, это единственный источник света. Практически вся комната утопает в темноте.

Свешиваюсь вниз – Майкла нет.

Собираюсь спуститься, приподнимаюсь на локте, и в этот момент дверь открывается. Входят Мишель, Майкл и ещё один военный, он был с нами в одной машине. Имени припомнить не могу. Девушка улыбается и бросает Майклу:

– Было приятно провести с тобой время, красавчик.

Красавчик?

Вот сучка! Как же мне она не нравится.

Майкл находит меня взглядом и шагает к нашим кроватям. Он идёт в мою сторону, и с каждым его шагом я злюсь всё больше и больше. Он бросает рюкзак у кровати и, выпрямившись, облакачивается на мою постель. Прожигаю его взглядом. Я зла. Почему я злюсь на него? Он ничего не сделал. Вот именно. *Ничего* не сделал. А что он должен был сделать? Мы же не пара. Да черт с ним. Моя ярость написана на лице, и сделать с этим я ничего не могу.

– Что случилось? – спрашивает Майкл.

– Ничего, – слишком быстро отвечаю я.

– Неправда.

– Где ты был?

Ну вот, мы даже не в отношениях, а я пилю ему мозг. Как сварливая женушка.

– Хантер отправил меня за оружием.

Бросаю взгляд на Мишель и спрашиваю, слишком отрывисто и грубо:

– С ней?

– Да.

– Понятно...

– Что понятно?

– Всё понятно.

– Мне ничего непонятно, – говорит Майкл, и я не могу подобрать слов, что помогут мне выразить всю степень моего негодования.

Голос брюнетки режет мне нервы.

– Боже, Майкл, не глупи. Девушка ревнует.

Мои щёки окрашиваются в алый. Но я надеюсь, что при таком слабом освещении Майкл этого не видит. Он пристально смотрит мне в глаза и уже более тихо говорит:

– Мы ведь обсудили.

Обсудили, но толку от этого чуть поменьше ноля.

– Знаю! Мы не можем быть вместе. Но от этого не легче, – признаюсь я.

Ещё минуту прожигаем друг друга взглядами, а потом Майкл тихо говорит:

– Придётся.

– Что придётся?

– Смириться, что в жизни мы далеко не всегда получаем то, что хотим.

Майкл ложится на кровать подо мной, и несмотря на его

слова, я несказанно рада, что его и Мишель разделяет практически вся комната. Девушка ловит мой недружелюбный взгляд и, подмигнув мне, хищно улыбается. Не успеваю остановить себя, моя рука взлетает вверх, и вот я уже показываю ей средний палец. От этого Мишель улыбается ещё шире и, отвернувшись, ложится на свою кровать.

Вот стерва!

Отворачиваюсь к стене и ловлю себя на мысли, что ревную.

Ревную так сильно, как никогда раньше.

Глава третья

Джил

Утро. Скорее всего это именно оно. Открыв глаза, упираюсь взглядом всё в ту же стену, прокручиваю в голове разговор с мистером Хантером. Меня бросает от желания рассказать папе правду к страху, что невинные жизни будут загублены из-за меня. Дилемма.

Переваливаюсь на спину и разглядываю потолок. Слабое освещение свечи не даёт полной картины. Я не вижу углы, они утопают в тени. В комнате, что послужила нам ночлегом, ведутся тихие разговоры местных. Смотрю на соседнюю кровать – Кейт нет. Свешиваюсь вниз и нахожу подругу на кровати Убийцы, она мирно спит, лёжа в его объятиях. Подмечаю, что в комнате нет Майкла. Как и Мишель. Вот чёрт!

Дверь резко распахивается и на пороге появляется мужчина, с которым вчера начала знакомство Кейт. Он тихо закрывает дверь и прикладывает палец к губам. Тихо. Мужчина быстро подбегает к столу и задувает свечу, и я больше ничего не вижу и не слышу.

Но так длится недолго.

Ужасающе громкий звук пробирает до дрожи. Я в жизни не слышала этого раньше, но понимаю – это вертолёт. Звук приближается, а потом затихает.

Около часа мы проводим в тишине, но винты вновь начи-

рают обороты, и вертолет улетает. Свечу зажигают, и входная дверь снова открывается. Мишель стоит на пороге и бросает на меня беглый взгляд.

– Кудряшка, идём со мной.

Ненавижу её! *Кудряшка?*

Ненавижу-ненавижу-ненавижу!

Спрыгиваю с кровати и иду в сторону двери, не могу себя сдерживать, проходя мимо Мишель, довольно ощутимо толкаю её плечом.

– О, да у киски есть коготки? – спрашивает Мишель.

О-о-о, лично для тебя я отращу метровые когти! И заточу их так, что они будут резать металл как масло.

Останавливаюсь и, повернувшись к ней, спрашиваю:

– Почему ты такая сука?

Мишель склоняет голову набок и, постукивая пальцем по губам, раздумывает над ответом, который не приходится ждать слишком долго.

– Сложный вопрос, – в итоге бросает она.

– Не утруждай себя. Можешь не отвечать, но не смей называть меня кудряшкой.

Мишель улыбается, склоняет голову на другой бок и говорит:

– Мы бы подружились с тобой.

– Не думаю.

– О, определённо бы подружились, но не сейчас. И я всё же отвечаю. Я сука, потому что лучше быть прожженной суч-

кой, чем забитым маленьким серым и бесхребетным мышонком.

Мишель шагает вперёд, я иду за ней следом. Прожигаю спину гневным взглядом и надеюсь, что она это чувствует. Мы снова спускаемся вниз и как только Мишель отходит в сторону, я вижу папу. В чистом черном костюме, гладко выбритого и напряжённого. Он быстро сокращает между нами расстояние и сжимает меня в объятиях. Зарываюсь носом в его плечо, и слезы брызгают из глаз. Как же я скучала. Он что-то говорит мне и гладит по волосам. Я хлюпаю носом и ещё сильнее прижимаюсь к нему.

Отстраняюсь и, вглядываясь в лицо папы, не могу поверить, что это действительно он. И тут он спрашивает:

– Джил, что ты тут делаешь? Когда Майкл сказал, что ты здесь, я ему не поверил.

– Я, папа...

Гортань сводит, словно я только что нахлебалась ледяной воды. Лицо папы моментально становится напряжённым, и слабая улыбка пропадает без следа. Он сглатывает и немного наклоняется ко мне.

– Как мама? – спрашивает он, и я не могу солгать.

Хочу сказать неправду, но не могу вымолвить ни единого слова. Слезы копятя, но я пытаюсь их удержать.

– Она... в порядке, – всё же выталкиваю я.

Папа всего мгновение смотрит мне в глаза, потом зажмуривается. Он стискивает челюсти, а я слышу скрип его зубов.

– Ложь, – тихо говорит он и, открыв глаза, продолжает. – Я вижу, когда ты мне лжёшь.

Ищу глазами мистера Хантера, но его тут нет. Смотрю на Майкла, потом на Мишель, что встала рядом с ним, возвращаю взгляд к папе и признаюсь:

– Мама больше нет.

Какое-то время папа просто смотрит на меня, его руки на моих плечах, и я чувствую, как они напряжены. Сказанные слова повисают в воздухе и накаляют его до бела.

– Как? – спрашивает папа. Смотрю в его глаза и наблюдаю, как часть его жизни блекнет. Меркнет и рассыпается прямо передо мной.

Меня начинает лихорадить от воспоминаний, я открываю рот, но словно превратившись в рыбу, не могу сказать ему. Не могу произнести, что мама обратилась в монстра и была застрелена. Печальная картина нашей кухни мелькает передо мной, но слов нет. Описать это невозможно. Слишком больно.

– Её убил Гриро, – говорит Майкл, спасая меня.

Папа отпускает меня и отходит в сторону. Отворачивается, и я могу видеть только его напряжённую спину. Он молчит. Не кричит, не раскидывает кровати в разные стороны.

Начинаю идти к нему, сердце разрывается от боли и горя. Майкл встает передо мной и отрицательно качает головой. Не стоит. Не стоит сейчас мешать папе скорбеть. Папа поворачивается ко мне, и я вижу, что его глаза влажные, он

подходит ко мне и обнимает ещё крепче, чем минуту назад. Успокаивает, говоря все возможные утешения. Хватаюсь за него и понимаю, *мне* нужна была его поддержка, а не ему моя.

Это *мне* нужно было ощутить его крепкие объятия и услышать родной голос.

Папа утирает мои слёзы и с печальной улыбкой, с такой грустной, что сердце разрывается на части, обещает, что всё будет хорошо. Не смотря на Майкла, спрашивает:

– Ты был там?

– Да.

Папа сжимает челюсти, выравнивает дыхание, снова утирает мою слезу, бегущую по щеке, и говорит:

– Детка, тебе лучше сейчас уйти наверх.

Киваю в ответ и отступаю на шаг.

Мишель уводит меня, но даже будучи в спальне я слышу дикие крики. Удары и стоны боли.

Не могу больше находиться среди незнакомых людей, что смотрят на меня при каждом грохоте из подвала. Спрыгиваю с кровати и выхожу за дверь. Пусто. Никого нет.

Поднимаюсь в комнату, через которую мы сюда попали ранее и подхожу к окну. Солнце слепит, на небе ни единой тучки. Выглядываю вниз и даже не содрогаюсь от вида блуждающих тварей. На душе погано и скверно. Сажусь у стены, подтягиваю колени к груди и кладу на них голову.

Агония папы продолжается, а я тихо роняю слезы на шта-

ны. Что мне сделать, чтобы ему стало легче? Ничего. Я ничего не могу. Но должна убедить его остаться здесь и выполнить то, что они с мистером Хантером задумали. Достаточно смертей и потерь. Их и так было слишком много.

Не знаю сколько я так сижу, но спина затекла, а слезы кончились. Громких ударов из подвала больше нет. Поднимаю голову и упираюсь затылком в стену. Дверь открывается, и входит Убийца.

– Отец ищет тебя.

Молча встаю, ещё раз вытираю щеки и иду вслед за Убийцей. Мы спускаемся вниз, и при виде масштабов разгрома, я каменею. Все кровати, что были в подвале, перевернуты. Майкл стоит у входа и слегка кивает мне, прохожу дальше и вижу папу, он сидит на обломках кровати, с его крепко сжатых кулаков капает кровь. Подхожу к нему и сажусь рядом. Папа берет мою руку и сжимает пальцы, печаль в его покрасневших глазах режет сердце.

– Прости, – говорит он, – прости, что меня не было дома, когда вы во мне нуждались.

Ныряю в объятия папы, он крепко прижимает меня к себе и шепчет мне в волосы, одно и то же: "Прости... прости... прости".

– Это не твоя вина, – говорю я.

Он не спорит, и не переубеждает меня. Папа подзывает Майкла, мужчина подходит к нам, и папа говорит:

– Увези её отсюда. Тут скоро может стать ещё опаснее. Но

ты должен вернуться, не позже, чем через неделю.

– За такой промежуток времени мне не успеть увезти Джил в Хелл, – говорит Майкл.

– Увези её в Оплот, – просит папа, я отстраняюсь от него и вижу, как твёрдо он смотрит на Майкла. – Я знаю, что там у тебя есть дом, куда ты собирался перебраться, пусть Джил побудет там, пока мы не разберёмся с Коалицией, а потом я заберу её и мы вместе отвоюем Крест и... разберёмся с Гриро.

– Хорошо, – соглашается Майкл и, смотря папе в глаза, добавляет. – Со мной поедут Убийца, Боб, Кейт и Джил. Я оставлю их в Оплоте и вернусь через четыре дня.

– Хорошо.

– Я всё приготовлю, – говорит Майкл и уходит вместе с Убийцей, оставив меня с папой.

Обнимаю его и прошу, чтобы он был аккуратен, а он обещает, что останется в живых, чтобы отомстить змее, что мы пригрели на груди.

Майкл возвращается слишком быстро, я ещё не наговорила с папой, а он уже забирает меня от него. Последний раз обнимаю папу, вглядываюсь в его лицо и с тяжелым сердцем отворачиваюсь, но он окликает меня у самой лестницы. Останавливаюсь и оборачиваюсь:

– Я люблю тебя, – говорит он, и сердце сжимается до размера горошины. Мы словно расстаёмся. Навсегда. Возвращаюсь к папе и обнимаю ещё раз. Так крепко, как только

могу.

– И я тебя люблю, – шепчу я и целую его в щеку.

Мы с Майклом сразу же идём на нужный этаж к окну. В комнате нас уже ждут Кейт, Боб, Убийца и один из мужчин, что встретили нас. Подруга подаёт мне рюкзак, и мы все дружно лезем в окно. Мои мысли возвращаются к папе, и к тому, как он справится с мыслью, что дома его больше никто не ждёт. Что больше некому будет поддевать его и говорить вразрез. Что больше нет той единственной, что спустя более двадцати лет совместной жизни смотрела на него как влюблённая девчонка.

Мамы больше нет, и папа теперь об этом знает.

Глава четвёртая

Джил

К счастью, нам без потерь удалось пройти город по странным доскам-мостам, наша небольшая компания даже не нуждалась в спуске вниз. И это несказанно меня радовало. Иногда твари слышали нас и, подпрыгивая, пытались дотянуться, но это было невозможно. Высота хлипких мостов была слишком высока. Кейт с завидной периодичностью показывала не мертвым фак, иногда заменяя этот жест высунутым языком. Всю дорогу до стены мы молчали, лишь изредка Майкл тихо переговаривался с мужчиной из города мёртвых.

Доходим до стены, и мужчина, встретивший нас ранее в момент выстрела в Убийцу, уходит обратно, опуская мосты вниз. Майкл объясняет это тем, что доски всегда должны быть опущены. В противном случае Коалиция может заметить их.

Идём по стене до места, где нас ждёт веревочная лестница, спускаемся и быстрыми перебежками отправляемся в сторону машин. Доходим до деревьев, у которых они были оставлены, но их там нет.

– Машины дальше, – говорит Майкл и продолжает бежать. Мы все безропотно следуем за ним.

Ловлю себя на мысли, что за пределами защищенных го-

родов я чувствую себя намного лучше, чем в первый раз. Сейчас я знаю, что может произойти. Я уже воочию видела тварей и мутантов.

Человек способен приспособиться к чему угодно. Например, Мишель и её люди. Они долгое время живут по соседству с не мертвыми и научились обходить тварей так, что тем не добраться до живых. Они соорудили себе что-то отдалённо напоминающее дом. Каким-то образом находят еду и продолжают жить.

Доходим до автомобилей и забираем один. Два остаются на нужды папы и мистера Хантера. Военных с собой мы тоже не берем, только Боба, но Майкл успевает отдать остальным указания.

Располагаюсь на переднем сиденье, и как только машина стравивается с места, я задаю Майклу вопрос:

– Зачем тебе дом в Оплоте?

– Со временем, когда Коалиция перестанет быть проблемой... я переберусь туда.

– Почему туда?

– Почему бы и нет? – Майкл пожимает плечами и продолжает. – Это красивый город, добрые люди, тихое место. К тому же, у них слишком мало военных, которые в случае нападения не смогут дать сдачи. Думаю, моё место там, – Майкл замолкает на секунду и уже более уверенно заканчивает. – Уверен, что моё место именно там.

Отворачиваюсь в сторону окна и смотрю на быстро меня-

ющуюся картину пейзажа: горный массив, чистое небо, вдалеке виднеется лес. Но мысли мои не о природе, и даже не о папе, которого я всё же оставила один на один со скорбью. Я думаю о том, как же всё-таки плохо я знаю Майкла. Не мальчишку из моего детства, не молодого человека из моей юности, а мужчину, что сидит рядом со мной в эту самую минуту. Я даже не подозревала, что он может уехать куда-либо из Хелл. Для меня Хелл и Майкл неделимы. Но для него это не так.

Несколько часов пути проходят в абсолютной тишине, Кейт заснула на коленях Убийцы, Боб смотрит в оба, Майкл рулит и прислушивается к окружающим нас звукам. Я же не могу отделаться от мыслей, что, возможно, я больше не увижу папу. Я не знаю, что именно он должен сделать в Коалиции, но чувство, что я видела его последний раз, царапает душу.

Неожиданно машина набирает скорость, кочки становятся более ощутимы, бросаю взгляд на Майкла, и в этот момент он говорит:

– Убийца, Боб, за нами хвост.

Смотрю назад и вздрагиваю. Огромное серое облако мутантов несется за нами. Впереди лес, и по нему на такой скорости нам не проехать, городов рядом нет. С заднего сиденья Убийца подаёт мне пистолет, сам берёт автомат и открывает люк. Следует череда выстрелов, гильзы летят в салон бронированной машины. Рядом с Убийцей встаёт Боб, Кейт отса-

живается в самый конец машины, чтобы раскалённые гильзы не обожгли её.

– Кейт, пристегнись! – кричит Убийца, и девушка моментально пытается защелкнуть ремень на груди.

Сжимаю рукоять пистолета, и в этот момент Майкл резко сворачивает направо. Несемся параллельно лесу. Сбиваем мелкие деревья, которых тут больше, чем было в поле, трава выше, и практически доходит до окон машины.

Ещё раз смотрю назад и содрогаюсь с удвоенной силой, мутанты уже ближе, чем были до этого.

От них не скрыться, от них не убежать.

Начинаем объезжать лес, Убийца и Боб стреляют, но на землю падает не так много мутантов, как мне бы хотелось. Около пятидесяти особей, распихивая друг друга, несутся сломя голову. С каждой секундой они всё ближе и ближе. Заезжаем на огромную кочку, и на пару секунд машину подкидывает вверх, вскрикиваю и поворачиваюсь к Майклу. Но не его сосредоточенный профиль привлёк моё внимание, а лес с его стороны окна... и оттуда, как гончие из ада, вырывается очередная группа мутантов. Серое облако, словно сговорившись, прыгает на машину, и мы больше не приземляемся на колёса.

– Майкл! – кричу я, но уже поздно.

Толпа мутантов врезается в бок автомобиля на полном ходу, и мы переворачиваемся.

Вдох.

И я теряюсь. Где находится верх, а где низ? Удар головой о стекло и крик Кейт.

Выдох.

Ещё один поворот в воздухе и снова удар.

В глазах темнеет. От запаха пороха мутит. Или это от удара головой. Вишу вверх ногами. Открываю глаза и тут же закрываю. Слышу только своё медленное сердцебиение. Облизываю губы и снова открываю глаза. Всё двоится. Смотрю на лобовое окно, на нём нет ни трещины. Бронированное. Снова закрываю глаза. Машина шевелится. Открываю глаза и различаю за лобовым стеклом высокую траву, поворачиваю голову направо, и словно встречаюсь взглядом с мутантом. Его гладкая серая кожа блестит, глаза, кажется, смотрят на меня, но я знаю, что мутанты слепы. И всё это цветочки в сравнении с тем, что мутант делает. Он раскачивает машину.

И мутант не один.

Их много.

Слишком-слишком много.

– Майкл, – хрипло зову я, не в силах отвернуться от лиц мутантов, они похожи, практически идентичные. – Майкл?

Он молчит, все молчат.

Почему так тихо?

Всё же отворачиваюсь от окна и вижу, как Майкл разрезает ремень безопасности, перевернувшись, садится на крышу. Он что-то мне говорит, но я не слышу. Ни единого слова. Майкл уже кричит, но я глуха. Слышу только биение своего

сердца. Почему я не слышу его голоса? Это открытие наводит панику быстрее, чем лесной пожар съедает сухие деревья.

На лице Майкла кровь. Мужчина придвигается ближе, обхватывает моё тело вокруг талии одной рукой, другой разрезает ремень безопасности и переворачивает меня. Голова кружится. Сажусь в качающейся машине и, повернувшись назад, вскрикиваю. Нижняя половина тела Боба лежит в машине, верхней нет. Всюду кровь, останки и кишки. Его тело разорвало люком, о, Боже!

Отворачиваюсь и меня практически рвёт, еле как сдерживаю себя, зажимая рот руками. Снова оборачиваюсь и вижу, как в дальнем конце машины Убийца пытается успокоить Кейт, она кричит. Я не слышу её голоса, но вижу лицо, покрытое слезами, а рот открыт в безмолвном крике. И я замечаю причину её крика. Нога. Она повёрнута так, что ясно и без рентгена – конечность сломана. Кейт так и не успела пристегнуться. Я должна ей помочь.

Лезу назад, но Майкл останавливает меня, оборачиваюсь к нему и вижу, как его губы шевелятся. Хмурюсь, пытаюсь разобрать хоть слово, но ничего не выходит. Прикладываю палец к его губам, и Майкл замолкает, я говорю, но не слышу даже своего голоса.

– Я ничего не слышу.

Майкл хмурится, быстро осматривает меня. Машина тем временем раскачивается всё больше и больше. Все твари со-

брались с моей стороны и толкают военный автомобиль с завидным упорством. Майкл показывает мне, чтобы я оставалась на месте. Киваю и бросаю взгляд на Кейт. Она потеряла сознание. Убийца накладывает шину. Глаза цепляются за останки Боба, и я тут же отворачиваюсь. И снова смерть! Она ходит за мной по пятам, рано или поздно придет и мой черёд.

Машина уже во всю ходит ходуном. Мне приходится сидя на крыше схватиться руками за сиденье, иначе я просто свалюсь. Ищу глазами пистолет, что ранее мне дал Убийца. Он улетел и лежит на крыше, там, где был Майкл. Бросаюсь к оружию и, схватив его, протяжно выдыхаю. В эту секунду мутантам удаётся перевернуть автомобиль.

Секунду машина находится в подвешенном состоянии, а потом снова переворачивается на колёса. Валюсь на сиденье, чуть не свернув себе шею. Быстро сажусь, нащупываю пистолет, сжимаю рукоять и поворачиваюсь в конец машины.

Майкл, отстреливаясь, выглядывает из люка. Не опуская автомат, зубами отрывает чеку от гранаты и бросает снаряд за пределы машины, следом ещё один и ещё. Наклоняется вниз и прикрывает голову руками, Убийца прикрывает собой Кейт, я вжимаю голову в плечи, зажмуриваюсь и чувствую, как машину толкает взрывная волна. Ещё одна и ещё. Но взрывов я не услышала. Я оглохла.

Майкл оказывается прямо передо мной, тащит меня за руку и показывает на крышку-люк, и тут же вылезает из машины и закрывает нас. И что я должна делать? Следить за лю-

ком? Прикасаюсь рукой к виску. Мокро. Смотрю на пальцы. Кровь.

И тут я начинаю слышать. Слышу, как Убийца разговаривает с Кейт, хотя она без сознания. Слышу выстрелы за пределами машины. Выглядываю в окно, Майкл бежит от машины, некоторые мутанты несутся за ним. Майкл отстреливается. Серые тела прыгают на него и сбивают с ног. Моё сердце замирает, и я вскрикиваю. Майкл их убивает и снова оказывается на ногах.

Майкл отвлекает их от нас, но далеко не все мутанты последовали за приманкой. Вижу, как двое серых тел снова сбивают Майкла с ног. Вскрикиваю и тут же открываю люк.

– Джил, стой! – кричит Убийца, но я не слушаю его.

Я не могу потерять и его! Только не его!

Выбираюсь наверх и вижу, как мутанты практически разрывают Майкла, целюсь в серые тела, но они движутся, и я боюсь промахнуться. Опускаю пистолет и что есть силы кричу:

– Нет! Прекратите! Нет! Стоп! Майкл, нет!

Мутанты, все как один, оборачиваются на мой голос. Около тридцати особей начинают медленное движение в моём направлении. Но главное не это, а то, что они больше не трогают Майкла, который лежит в траве, истекая кровью.

Жив ли он? Они его укусили? О, Боже!

Мутанты не бросаются на меня. Они медленно идут к машине, так словно охотятся на глупого кролика.

Я один на один с мутантами.

Страшно...

Заставляю себя начать действовать. Медленно наклоняюсь и закрываю люк. Если они пришли за мной, как утверждал Майкл, то я не полезу в машину, тогда и Кейт, и Убийца погибнут. Сжимаю пистолет сильно-сильно, боюсь уронить его и упустить последний шанс на выживание. Бросаю взгляд на лежащего Майкла, он не шевелится, а из его шеи хлещет кровь. Подавляю рыдания и уже уверенней навожу пистолет на мутантов, что кружат вокруг машины.

Один из мутантов запрыгивает на крышу и медленно подходит ко мне. Серое чудовище открывает рот и потряхивает головой. Отступаю назад, пока не понимаю, что дальше отступать некуда. Я ушла от люка. Мне не попасть внутрь машины и не сбежать, так как все мутанты собрались вокруг, и с каждой секундой кольцо смыкается всё больше и больше.

Страх.

Ужас!

Я действительно виделась с папой последний раз.

Вижу, как Майкл начинает шевелиться, встаёт на ноги, и меня захлестывает волной облегчения. Его качает из стороны в сторону, он поднимает автомат одной рукой и вскидывает его себе на плечо. Но не стреляет. Он не стреляет!

Боишься попасть в меня, как и я боялась попасть в него. Я и так уже не жилец. И мне страшно. Безумно страшно. Я прочитала столько книг, где главная героиня романа в са-

мые страшные моменты становилась бойцом и переворачивала землю вспять, переставала бояться и шла напролом. Но я не в книге. И я не главный герой, ведь главный герой не может умереть так рано. Просто не может. Не имеет права!

Ужас во мне разгоняется до таких пределов, что голова начинает кружиться, а мутант тем временем подходит всё ближе и ближе. Я чувствую запах гниения. Серая рука тянется в мою сторону, и безошибочно его пальцы попадают в рану на виске, тем временем дуло моего пистолета упирается прямо в центр лба мутанта. Но я не стреляю. Какая-то часть меня ещё надеется выжить, но, кажется... со спуском крючка – я труп. Моя кровь сильно контрастирует с серой кожей мутанта. Он подносит пальцы к своему вплюснутому носу и шумно втягивает воздух.

Ещё двое мутантов забираются на крышу. Майкл уже практически добрался до машины, но он ничего не успевает сделать, как мутанты начинают хором утробно дышать и один из них резко дергает меня на себя, вскрикиваю и пытаюсь оттолкнуть его, стреляю и попадаю в голову нападавшего. Он падает, но меня тут же хватает второй. Снова выстрел. Снова попадание, а потом мутантов становится слишком много, и я стреляю куда попало. Слышу посторонние выстрелы, это Майкл.

Осечка...

Осечка...

Осечка...

Патронов больше нет. Тянусь за ножом, что всё это время был при мне, но не успеваю его достать, мутант впивается тупыми зубами мне в ладонь.

Мой крик разносится по округе, боль в руке нестерпимая, свободной рукой отталкиваю мутанта и, задышавшись, смотрю на полукруглый отпечаток на моей руке. В некоторых местах выступает кровь.

Девяносто три процента... против меня.

Семь за...

Мутант, что укусил меня, шипя, отскакивает и как собака, утробно скуля, падает на крышу машины, его дергает судорогой, а после он моментально затихает.

Он что... умер?

Тварей как волной смывает с машины, и они отходят где-то на три метра от автомобиля. "Выглядывают" друг из-за друга, начинают подходить и тут же отступают. Они словно не знают, что делать. Я же шумно дышу и смотрю на свою руку. На укус. Но со мной ничего не происходит.

Слезаю с машины и оказываюсь лицом к лицу с Майклом. Его шатает из стороны в сторону, в одной руке автомат, а второй он затыкает рану на шее.

– Тебя укусили, – говорит он и морщится.

– И тебя, – сообщаю я, смотря на его шею и руку.

Кровь в моих венах начинает бежать быстрее, я чувствую это. Я слышу, как она гонится к сердцу и ещё более быстро бежит от него. Мне становится жарко. Ноги больше не

держат, и я оседаю у машины, Майкл пытается удержать меня, но мы оба падаем. Мутанты подходят к нам, осторожно и медленно. Майкл направляет на них автомат, но его рука падает.

– Чёрт! – сквозь зубы шипит он.

Слышу, как открывается люк, и оттуда градом сыплются пули. Убийца пришёл на помощь, но нам она уже не нужна. Меня начинает колотить. Лихорадить. Мутанты прыгают на крышу машины, и выстрелы прекращаются. Смотрю на серые тела, что валяются вокруг машины, и тяжело дыша наклоняюсь к Майклу.

– Не сберёг, – шепчет он, и берет меня за руку.

– История повторяется, – шепчу я в ответ и зажмуриваю глаза.

Маму тоже укусили, но тогда в ней был чудо-ребенок, во мне никакого чуда нет. Это конец.

Я перестаю понимать, где мутанты, кто я и что я здесь делаю. Не могу открыть глаза. Всё тело трясет. Меня скручивает агония. Я словно в котле. В огне. Ныряю в лаву. И горю!

Даже будучи в полной протрации, я чувствую, что Майкл рядом. Мы оба не являемся главными героями этого романа, и мы не дожили до счастливого конца.

Глава пятая

Джил

Моё тело сгорает и возрождается заново. Я чувствую, как кожа трескается, слезает и вновь нарастает. Кости плавятся и стекают в лужу, а на их месте появляется сталь. С моим телом происходит ужасное, но, к сожалению, я не могу потерять сознание до конца, что-то происходит вокруг меня, но я даже не осознаю, что именно. Моё тело шевелится помимо воли. А в голову закрадывается мысль – я мутант. Я стала чудовищем, в сильном теле. Я стала заложником гена, о котором никогда не просила. Я перестала быть самой обычной девушкой нашего времени и жалею об этом больше всего.

Агония и боль продолжаются бесконечно долго, а потом наступает забвение.

Я больше не чувствую ничего.

Я путник в темной беспроглядной пустыне.

Здесь никого нет, только я одна.

Проходит и забвение, на его месте появляется голод. Голод невиданной силы, такой, что душа готова вылезти из предательского тела и пойти на поиски пропитания.

Я – Джил, и отныне я больше не человек.

Я мутант... Очень голодный мутант.

Глава шестая

Джил

Тело затекло. Я его практически не чувствую, но ощущаю, что меня трогают. Я чувствую тяжесть на животе, словно кто-то положил руку. Открываю глаза, и первое, что я вижу в сумраке комнаты, – крысу. Она сидит на моём животе и подрагивая носом, смотрит прямо на меня. А я на неё. Дрожь омерзения проходит по телу. Не могу отвести взгляда с маленьких черных глаз, что блестят от слабого огонька свечи. С усилием поднимаю правую руку, и от этого движения животное убегает, ощутимо потоптавшись по мне. Рассматриваю руку, она не серая. Не как у мутанта. Обычная. Со следом укуса на ладони.

Всё это не являлось сном. Меня действительно укусили.

Всё, что было по дороге в Оплот, – правда. Глубоко вдыхаю и чувствую боль в ребрах. Болит вообще всё тело. От кончиков пальцев до макушки. Но кроме боли, по мне проходит разряд, словно легкий удар тока.

Где я? Где все?

Осматриваю комнату и пытаюсь вспомнить, как я тут оказалась. Я сидела у машины, внутри которой были Кейт и Убийца. Как они? Живы? Я помню, что Убийца отстреливался, но мутанты прыгали на крышу, но почему-то не трогали меня и Майкла. Где Майкл? Вопросы сбивают меня с толку

и уводят от воспоминаний в дебри раздумий и догадок.

Так, Джил, соберись и вспомни.

Зажмуриваю глаза, стараясь окунуться в воспоминания. Ничего. В памяти черная дыра. Сажусь на кровати и понимаю, что на мне надета огромная мужская футболка жёлтого цвета и нижнее бельё. Когда я разделась? Тоже не помню. В комнате находятся кровать, на которой я с трудом сижу, небольшой стол, на нём догорающая свеча, рядом отодвинутый стул, на стуле лежит одежда. Возможно, моя.

Я хочу есть. Боже, как же сильно я хочу есть!

Голод настолько невыносим, что скулы сводит, а желудок сжимается.

Встаю с кровати и тут же падаю на колени. Сил вообще нет. Сидя на полу, замечаю в самом углу комнаты, у двери, медицинскую утку. Еле как поднимаюсь на ноги и, согнувшись пополам, иду к двери. Каждый шаг – это преодоление себя. Я безумно хочу бросить затею добраться до выхода, но не могу.

Не знаю где я и что случилось. Нужно это выяснить. Кажется, проходит вечность, но я всё же добираюсь до заветной цели. Ноги дрожат, дыхание сбилось. Протягиваю руку к двери и толкаю её, но она не открывается.

Заперто.

Упираюсь ладонями в деревянную преграду и, пища, пытаюсь открыть.

Заперто.

Кто-то запер меня в неизвестном месте. Меня переодели и уложили в кровать? Что за бред? Несмотря на упадок сил, меня разрывают эмоции. Я хочу смеяться, оттого что жива. Я до сих пор жива! Хочу рыдать, от бессилия и страха. Мне страшно, что я – больше не я!

Я, вроде, прежняя, но что-то не так. По телу постоянно проходят импульсы, разряды тока.

Внутри меня... словно какой-то незнакомец. Он сидит внутри и пытается забрать руль управления телом и разумом. И этот незнакомец голоден, как и я. Кажется, это единственное, что нас связывает.

Перед глазами плывёт. Прикасаюсь ухом к двери и прислушиваюсь. Шаги. Там кто-то есть. Звук шагов становится громче, они стремительно приближаются. Наклоняюсь вниз и беру в руки судно. Тяжелое. И слава богу пустое. Я совсем обессилила. Поднимаю судно и встаю слева от двери. Жду, когда шаги достигнут порога. Ноги по ту сторону останавливаются, а я тихо втягиваю воздух в легкие и поднимаю судно выше.

Слышу какое-то шевуршение, и дверь открывается. Я вовремя успеваю заметить, что это Майкл и роняю судно на пол. И сама начинаю оседать, Майкл тут же подхватывает меня за талию и поднимает на руки, с такой легкостью, словно я ничего не вешу. Майкл быстро преодолевает комнату и опускает моё больное тело на кровать. Хватаюсь за него, из последних сил притягиваю к себе и утыкаюсь лицом в шею.

Прерывисто дышу и сминаю пальцами черную футболку.

– Живой, – пишу я.

– Определенно, – говорит он мне в волосы.

Немного пересаживает меня, так что я теперь оказываюсь у него на коленях, мои непослушные ноги свисают с одной стороны, и я вспоминаю, что на мне практически ничего нет, но сейчас я могу привлечь к себе только лишь умалишённого. Вид, как у трупа. Майкл немного крепче, чем нужно, обнимает меня, но слишком быстро отстраняется.

Я сижу на коленях всё у того же Майкла, что был вчера, но его взгляд иной. Он всматривается мне в лицо так, словно видит впервые. Словно я незнакомка. Я так много хочу ему сказать. Как испугалась за мужчину, когда мутанты разрывали его тело. Как осознала, что потеря его будет самой невосполнимой в моей жизни. Майкл придерживает рукой мою спину, осматривает лицо, поднимает правую руку и нежно отводит кудрявые пряди за ухо. Проводит пальцами по щеке, зарывает руку мне в волосы и снова притягивает к себе. Кладу голову ему на плечо и наслаждаюсь близостью. Мы живы. Мы не монстры.

– Где мы? – спрашиваю я.

– В городе мёртвых.

Немного отстраняюсь от Майкла, снова осматриваю комнату, она очень похожа на ту, где я беседовала с мистером Хантером. Почему я сразу не подумала о том, что мы вернулись?

– Это комната папы?

– Да.

– Где он?

– В Коалиции.

Непонимающе смотрю на Майкла. Что папа забыл там? Ещё вчера он был здесь. Что случилось, почему они забрали его так скоро? Что-то явно пошло не так. Тугой обруч нервозности стягивается вокруг груди.

– Ты была без сознания семь дней, – осторожно говорит Майкл.

А я не знаю, как мне на это реагировать. Я проспала семь дней. За это время могло случиться много чего. Я вообще не помню, чтобы приходила в сознание хотя бы на минуту. Как я питалась? Из-за этого я испытываю дикий голод? Потому что не ела семь дней? Судно. Вот чёрт! Кто ходил за мной все эти семь дней? Папа? Майкл? О боже!

– Вот как, – произношу я. – Когда папу забрали?

– Вчера. Хантера тоже не вернули. Коалиция прилетела именно за Майклом. Теперь они оба в столице. Через семь дней состоится приём, и именно там они должны согласиться на сотрудничество.

Киваю в ответ и тут же закрываю глаза. Голова кружится, а тело беспокоят волны еле ощутимого тока.

– Почему я не изменилась? – сама у себя спрашиваю я и разглядываю свою руку, что покоится на чёрной футболке Майкла. Контраст поражает.

– Изменилась, – говорит Майкл, и я вскидываю на него взгляд. Майкл поднимает руку, проводит большим пальцем мне по линии брови и продолжает, – твои глаза, они изменили цвет. Погоди минуту.

Майкл, словно куклу, усаживает меня на кровать. Он это делает так аккуратно и нежно, что в горле образуется ком. Мужчина уходит, а я сижу и смотрю на укус. Как мы вообще выжили? Почему мутанты не убили нас? Что это вообще всё значит? Где Кейт? Убийца? Как мы снова оказались в городе мёртвых? Я не задала Майклу миллион волнующих меня вопросов. Он ушёл, и мне стало безумно одиноко.

Майкл возвращается и подаёт мне треугольный осколок зеркала. С опаской беру его в руку, но не спешу посмотреть на себя. Мужчина садится на край кровати, встречаюсь с ним взглядом и тихо спрашиваю:

– Очень ужасно?

– Нет.

– Отвратительно?

– Нет.

– Жутко?

– Нет.

– Тогда безобразно...

– Ты не можешь быть ужасной, отвратительной, жуткой и безобразной. Даже если очень постараться, не выйдет, – убеждает меня Майкл, и я наблюдаю на его лице тень минувшей улыбки.

Скупно улыбаюсь в ответ и, сильнее сжимая осколок, признаюсь:

– Я была уверена, что стала монстром.

– Ты не монстр.

А вот я не уверена.

Перевожу взгляд на осколок и подношу его к лицу. Глубоко вдыхаю и встречаюсь взглядом с незнакомкой. Мои глаза больше не ярко-синего цвета. Вокруг зрачка они прежние, да, а вот дальше... янтарные. Переход неуловим, они как хамелеон. Мне не нравится. У людей не бывает таких глаз. По крайней мере, я такого сочетания цветов никогда не видела. Они яркие и манящие. Громкие, как взрыв, и пугающие.

Поспешно откладывая зеркало и, смотря перед собой, спрашиваю у Майкла:

– Я ничего не помню, как мы тут оказались? Что вообще произошло? Я думала, мы оба умрём. Я была уверена в этом.

– Мы с тобой отрубались возле машины.

– Тебя ведь тоже укусили, – вспоминаю я и протягиваю руку к его шее. Провожу пальцами по шраму от укуса.

– Да. Из-за этого я засыпаю.

– Из-за укуса?

– Да. Мы отрубались у машины, а перед нами стояло шестнадцать мутантов. По словам Убийцы, они не трогали нас, даже не подходили ближе, чем на метр. До того, как я отключился, по радиации связался с Убийцей и отдал приказ, немедленно отправить за нами машины, что остались у стен

мёртвого города. Потом темнота. Я пришёл в себя через полтора часа. Ты была без сознания, но температура твоего тела была максимальной, сердце билось так, как никогда раньше. Ты не произнесла ни звука, а зрачки не реагировали на свет. Я попытался поднять тебя, но ты закричала, словно каждое касание приносило невероятную боль.

– А мутанты?

– Они стояли всё там же.

Уму непостижимо.

Перед мутантами на блюдечке лежала готовая еда, а они не тронули её? Это же глупо и нелогично. В голове всплывает момент, когда мутант укусил меня. Он отпрыгнул так быстро, словно боялся меня, а потом он вроде как умер. Из-за того, что моя кровь попала ему в организм? А что же всё-таки случилось со мной? Что произошло с моим организмом, после попадания слюны мутанта? Изменился цвет глаз? Не думаю, что это конечные изменения. Стоит этим мыслям проскользнуть по моему сознанию, как незнакомец внутри меня начинает требовать пищи. И это пугает. Ужас наводит то, что я осознаю какого рода голод испытывает незнакомец. Это отвратительно и страшно. Нет! Я ему не поддамся! Иначе я возненавижу себя! Ненавижу даже за мысли об... этом.

– Почему они нас не убили? – спрашиваю я, сглатывая слюну.

– Я не знаю, но они пришли к городу... вслед за тобой.

Пару мгновений смотрю на Майкла, и очередной разряд

тока проходит по коже. Жуть какая.

– Как это возможно? – очень тихо спрашиваю я.

– Не знаю.

– А Кейт? Что с ней? Она жива?

– Перелом ноги. Она и Убийца уехали в Оплот, а мы отправились сюда.

– Почему мы не поехали в Оплот? Из-за меня, да?

– Да. Я уже говорил, что Оплот слишком слаб для нападения. Он рухнет, если мутантам придёт в голову забраться в город и найти тебя, – Майкл тяжело вздыхает и, смотря мне прямо в глаза, говорит. – Я не смог отправить тебя.

– Спасибо, – шепчу я, и Майкл сжимает мою ладонь. – А папа? Он знает, что меня укусили?

– Мне пришлось рассказать ему обо всём. И о том, что на Хелл мутанты напали из-за тебя. И Хантер тоже узнает. Майкл расскажет ему сам.

Мистер Хантер отправит меня в Возрождение. У меня даже нет сомнений, что он это сделает. На самом деле я сама уже туда хочу. Пусть ученые проверят, что со мной случилось. Что, если через день или два я превращусь в мутанта, и как мама буду бросаться на тех, кто мне дорог? Я ведь уже чувствую сближение с незнакомцем внутри меня. Что, если он найдёт способ забрать руль управления себе? Куда он меня повезёт? По дороге трупов и разрушений? Отбрасываю пугающие мысли в сторону и спрашиваю у Майкла:

– И что теперь со мной будет?

– Ничего. Если не войдёшь в норму за четыре дня, то останешься здесь, пока мы будем в Коалиции...

– Мы?

– Да. Хантер и Майкл уже там. Я и Мишель уезжаем через четыре дня.

Первое, что мне хочется сказать: "Не уезжай". Но сейчас меня больше волнует то, с кем именно он поедет в Коалицию. Как же это глупо, но даже будучи практически трупом, который не знает, что с ним будет завтра, я ревную. Мне не нравится сама мысль, что какая-то там *Мишель* будет ходить вокруг да около Майкла. Это ещё ладно если она будет только ходить. А в этом я очень сильно сомневаюсь.

– Что вы будете там делать? Как вы с Мишель попадёте туда?

– На вертолёте.

Я больше не могу разговаривать. Мне так плохо, я полностью истощена. Ложусь на кровать и прикрываю глаза. Глаза, которые больше не мои. Разговор и переживания забрали остатки сил. Единственное, о чём может думать мой мозг, о еде. Даже мысли о Майкле и Мишель меркнут перед голодом.

– Я есть хочу и пить, – шепчу я, не открывая глаз.

Майкл поднимается с кровати и, не сказав ни единого слова, уходит. Я вслушиваюсь в звук его шагов, но перестаю их слышать уже через пять шагов от комнаты. Мои чувства не изменились. Слух не стал лучше. Вижу я, как и прежде, спа-

сибо, что не ослепла. Сил вообще нет. Но всё же меня укусил мутант, и что-то, кроме цвета глаз, должно было измениться. Что же это? Что за невидимое на первый взгляд изменение? Неизвестность всегда страшит, но, если ты не знаешь, что происходит с тобой, это уже наводит ужас.

Я узнала, что Кейт и Убийца живы. Господи, спасибо тебе за это.

Выяснила, что проспала неделю, не приходя в себя. Так же стало известно, что папа и мистер Хантер уже в Коалиции, и скоро туда отправится Майкл. Я тоже могу поехать, но за четыре дня должна встать на ноги. Как это сделать? В данный момент мне даже дышать тяжело, а небольшой разговор с Майклом высосал из меня остатки сил. Если я не поправлюсь, то даже не буду настаивать на своём присутствии в Коалиции. Не хочу больше быть обузой, хотя в данный момент именно ею и являюсь.

Майкл возвращается, я с трудом сажусь у основания кровати и подбираю под себя ноги. Майкл ставит на кровать большую тарелку, а внутри что-то наподобие бобов. Стакан воды я беру в руки. Смотрю на тарелку, и в голове возникает вопрос:

– Откуда эта еда?

– Из ничтожных запасов Мишель. С каждым визитом вертолёта ей привозят еду, оружие, одежду.

– Кто?

– Небезразличные люди. Те, что стоят у власти, но недо-

статочно высоко, чтобы сместить правителей Коалиции.

– Понятно.

Мы замолкаем, но Майкл быстро нарушает тишину:

– Что ты чувствуешь?

Вскидываю на него взгляд и не нахожусь с ответом.

– Грусть...

– Я не об этом, что в тебе изменилось?

– Не знаю. Вроде, ничего, но я очень слабая.

Майкл отрывисто кивает и встаёт.

– У меня есть дело, которое не может ждать. Ночью я вернусь.

Кто бы сомневался. Видимо, Майкл видит на моём лице всё нежелание оставаться одной, садится на край кровати и приподнимает моё лицо за подбородок.

– Я скоро приду, – говорит Майкл, я киваю, и он быстро уходит, закрывает дверь, и я слышу возню возле замка.

Звук щеколды, как выстрел в висок.

Он запер меня...

Я бы возмутилась. Правда, но сейчас у меня нет сил. Делаю пару глотков воды и зачерпываю ложкой неопределённую жижу. Но стоит мне впихнуть это себе в рот, как еда моментально начинает лезть обратно, но я всё же проглатываю её. И меня словно обжигает огнём. Я не чувствую вкуса. Вообще никакого. Соскакиваю с кровати, тарелка падает на пол и разбивается. Осколки и бобы летят мне на ноги, я же несусь к судну. Падаю на колени и меня начинает нещадно

рвать. Слезы выступают на глазах. Всё моё существо противится одной единственной ложке бобов. Утираю рот тыльной стороной ладони, смаргиваю слезы и вижу на руке кровь. Бордовые полосы. Смотрю в судно и содрогаюсь. Кровь.

Быстро, как только могу, возвращаюсь к кровати, пару раз наступаю на осколки тарелки, но не обращаю на это внимания. Забираюсь на кровать и прижимаю к себе колени. Сжимаюсь в маленький комок, смотрю на разбитую тарелку и понимаю, меня по-прежнему мучает голод. Он такой сильный и безжалостный. Голод заставляет меня посмотреть на дверь. Желание покинуть запертую комнату велико. Я знаю, что где-то там есть... еда. Незнакомец это знает и обещает показать мне дорогу. Скидываю с себя наваждение, ложусь лицом к стене и укрываюсь пропахшим плесенью одеялом. Меня начинает колотить. То ли от голода, то ли от холода.

Мысли терзают уставший разум, но всё же удаётся заснуть. Мне снится мама, не тогда, когда она пыталась убить меня. Вовсе нет. Мне снится сладкий и манящий сон. Мама стоит на кухне и разговаривает по рации с папой. Я сижу на диване и наблюдаю, как её лицо озаряется очередной улыбкой. В итоге она откладывает аппарат на стол и подходит ко мне, садится рядом, и мы разговаривает. Ни о чём и обо всём на свете. Неожиданно мама прислушивается к звукам за входной дверью. Берет меня за руку и говорит: "Пора". Мама тянет меня к выходу, а на вопросы мои никак не реагирует. Открывает дверь, и я вижу тьму мутантов за по-

рогом. Пытаюсь отнять у мамы свою ладонь, но не выходит. Мама поворачивается ко мне и говорит: "Это теперь твоя новая семья". Я вскрикиваю, а мама толкает меня за дверь.

Открываю глаза и откидываю остатки сна.

Не знаю, сколько проходит времени, но дверь открывается и входит Майкл. Быстро оказывается у кровати и заглядывает мне в глаза:

– Что случилось? – требовательно спрашивает он.

Отворачиваюсь от него и желаю сейчас только одного. Чтобы Майкл ушёл. Не хочу, чтобы он видел меня такой. А я уверена, что выгляжу сейчас намного хуже, чем пару часов назад.

– Джил? Что произошло? У тебя на лице кровь.

Я не отвечаю, а задаю встречный вопрос:

– Почему ты запер меня?

– Для безопасности.

Вскидываю на него взгляд.

– Для чьей безопасности? Мишель? – не знаю, почему веду себя как последняя сука. Майкл переживает, я знаю, но ищу любой предлог, чтобы уйти от разговора о еде, что раскидана по полу.

– И не только, – отвечает Майкл.

Я начинаю злиться. У меня совершенно нет сил, но злость толкает меня на глупости. Причем я понимаю всю праведность его слов, но они изрядно раздражают меня.

– И не только, – фыркаю я.

– Для твоей безопасности тоже.

– Для моей?

– Не все рады тебя здесь видеть. Когда мы приехали, Мишель была против того, чтобы я принёс тебя в это здание. Я не знал, какой ты очнешься и очнешься ли вообще. Это опасно. И для них, и для тебя.

– Очнулась. Но я не знаю, что во мне изменилось, – в глазах собираются слёзы. – Майкл, я хочу есть, – пишу я.

Мне так плохо, что единственное желание – пусть всё закончится. Неважно как. Пусть боль и полумертвое состояние тела прекратится.

Он бросает взгляд на пол и снова возвращает его ко мне.

– Что с этой едой было не так? – осторожно спрашивает он.

– Не знаю. Всё не так... Меня вырвало.

Майкл хмурит брови, и это пугает меня. Я сама знаю, о чём он думает, но не хочу слышать этого вслух. Не хочу даже думать об этом, но одна и та же мысль бьется в закрытую дверь разума.

Обычная еда меня не устроит. Она не по нраву незнакомцу.

Майкл сжимает мою трясущуюся руку и, смотря мне в глаза, говорит:

– Мы что-нибудь придумаем. Я принесу другую еду.

Киваю в ответ, и он снова уходит. Запирает меня, но возвращается достаточно быстро. На этот раз в его руках хлеб

и банка консервов. Сажусь и протягиваю трясущиеся руки к еде и не испытываю от увиденного никакого восторга. Стоит мне откусить небольшой кусочек хлеба, как тошнота тут же возвращается. Майкл помогает мне добраться до судна, и меня выворачивает вновь. Слезы градом текут по щекам, упираюсь лбом в стену и начинаю выть. Не понимаю, как оказываюсь на кровати. Майкл помогает попить мне воды. Пребываю в какой-то прострации, все органы горят огнём. Мне больно. Я плачу.

Спустя какое-то время я чувствую, как Майкл ложится рядом со мной и обнимает меня. Я постепенно успокаиваюсь, и уже засыпая, слышу слова Майкла:

– Я что-нибудь придумаю. Всё будет в порядке.

И это первые слова Майкла за много-много лет, в которые я совершенно не верю.

В течение двух отвратительно длинных дней я тихо ненавижу весь мир. Невиданная мне ранее злость просачивается под кожу и съедает меня изнутри. А я в это время не могу есть. Абсолютно ничего. Майкл приносит мне совершенно разную еду, но итог всегда один и тот же. Я пытаюсь съесть что-то, но весь рот, горло и желудок обжигает огнём, а потом меня рвёт. Кровью. Ночи я провожу в одиночестве, я знаю, что Майкл находится за дверью, от этого спокойно и ненавистно. Я сама попросила его, чтобы он не приходил по ночам. Я не желаю, чтобы Майкл продолжал нянчиться с практически мертвой девушкой. А я уверена – мой конец близок.

Я очень похудела, практически не сплю, не ем, но могу пить воду. Ноги уже не держат меня, преодолевая боль и усталость плетусь до чёртовой утки, чтобы сходить по нужде. И даже не хочу знать, хотя знаю, кто ходил за мной семь дней, пока я была без сознания. Лучше бы так и осталось. Ведь если верить словам Майкла, то все были уверены, что я не приду в себя. Выходит, что в какой-то степени они смирились с потерей. А тут я дала ложную надежду близким мне людям и снова отнимаю её.

Я вижу, как взгляд Майкла меняется с каждым приходом в комнату. Думаю, его надежда уже раздавлена.

Осколок зеркала лежит у меня под подушкой, и вы не поверите, но я уже трижды хотела им воспользоваться. Сжимая в ослабевшей ладони осколок, я останавливаю себя тем, что это грех. Практически во всех возможных религиях это грех. Я думаю о папе, как он отреагирует на мою смерть. Он недавно потерял маму и скоро потеряет меня. Это неизбежно. Без еды я рано или поздно умру. Об альтернативе я даже стараюсь не думать, но незнакомец не дремлет. Он уже не просто подсказывает мне выход, а приказывает сделать это. Спасти себя и его. Незнакомец хочет жить...

На следующее утро открыв глаза, я встречаюсь взглядом с Майклом. В его руках стакан воды и миска. Морщусь и прикрываю глаза.

– Я больше не могу, – произношу я хрипло, потресканными губами.

Майкл твёрдо смотрит на меня, сглатывает и садится на край кровати.

– Нужно ещё раз попробовать, – говорит он.

А я вспоминаю, что мы пытались сделать накануне. Майкл решил попробовать перелить свою кровь мне. Мы надеялись, что это может сработать. Он не обычный человек. И была призрачная надежда на то, что его кровь станет целебной, как кровь моего папы для мамы. Майкл соорудил самодельную капельницу, но от его крови мне стало только хуже. Меня снова начало лихорадить.

Я больше не хочу пытаться. Не хочу делать себе больнее, чем есть на самом деле. Остался один день, и Майкл уедет в Коалицию. Я знаю, что он уедет, даже когда мы были детьми, Майкл не раз говорил о словах мистера Хантера, что он всегда должен защищать Хелл. Всегда. А сейчас настал момент, когда Майкл необходим своему городу. Да он всегда был ему необходим. И зная Майкла, он отдаст жизнь за Хелл и его жителей.

– Нет, – прошу его я и с трудом поднимаю бледную руку, опускаю её на запястье Майкла.

Мужчина твёрдо смотрит на меня и говорит:

– Джил, ты не можешь сдаться.

– Могу.

– Но я не сдамся.

Поднимаю на него взгляд и печально улыбаюсь.

– Скажи папе, чтобы он...

– Ты сама ему скажешь, – отрезает Майкл, так и не дав мне договорить.

Не спорю, потому что не могу. Кажется, что с момента пробуждения мне стало сложнее дышать, моргать. Движения и мысли заторможенные. Сердце бьется ещё медленнее, чем раньше. Не понимаю я смысла гена мутанта, почему он позволил мне выжить там, возле леса, чтобы я умерла тут?

Наблюдаю, как Майкл втыкает вилку в тарелку, медленно поднимаю руку к лицу и прикрываю ладонью рот. Мне больно даже от мысли, что сейчас будет. Я не хочу. Я больше не могу.

– Джил, ты должна попробовать ещё раз.

– Нет, пожалуйста, – прошу его я.

– Последний раз. Это последний шанс, – заканчивает Майкл, но я не до конца понимаю, что происходит.

Майкл поджимает губы, убирает мою руку, которая прятала рот, и подносит кусочек чего-то ко рту. Сжимаю губы.

– Джил, не сопротивляйся, – в глазах Майкла сожаление.

Он нажимает мне на щеки, и рот сам открывается. Из глаз тут же брызгают слезы. Пытаюсь отпихнуть его руку, но я слаба, как котёнок. Майклу удаётся впихнуть в меня кусочек еды. Собираюсь выплюнуть его, но Майкл, строго смотря на меня, говорит:

– Прости.

Он зажимает мне рот ладонью. Выпучиваю глаза и начинаю вяло брыкаться. Хочу заплакать, но слёз больше нет. За-

кричать, голоса тоже нет.

Я ненавижу Майкла. Я ненавижу его за то, что он не может смириться с моим выбором, это причиняет мне боль физическую и моральную.

Глотаю и готовлюсь к очередной агонии. Майкл отнимает руку от моего лица и внимательно вглядывается в глаза.

– Твою мать, – шепчет он и взъерошивает себе волосы, я же с первобытным голодом смотрю на миску, что осталась на кровати.

Меня не рвёт. Мне не больно. И я чувствую, как небольшой кусочек еды наполняет меня силой. Опираюсь руками о кровать и сажусь. Заглядываю в миску и быстро перевожу взгляд на Майкла. Он стоит с противоположной стороны комнаты, я шумно сглатываю, облизываю губы и снова смотрю на миску.

– Что это? – в страхе и желании спрашиваю я.

Майкл не отвечает, и я бросаю на него испуганный взгляд, а рот наполняется слюной. Меня должно тошнить от мыслей, что роятся в моей голове, но этого не происходит. Мне страшно. Мне противно от себя же самой.

– Это чело... – начинаю я, но Майкл перебивает.

– Нет. Мутант. Это мясо мутанта.

Глава седьмая

Майкл

У Джил истерика. Она кричит и просит уйти меня из комнаты. Была бы моя воля, я бы не сказал ей, что она только что съела. Но со мной может произойти что угодно, и тогда она просто умрёт. Я не собираюсь объяснять ей, что испытывал, когда думал, что она больше не очнётся. Это невозможно передать словами.

Люди ещё не придумали нужных фраз.

Возможно, никогда не придумают.

То, что не сломал Майкл в подвале после вести о смерти Джей, я доломал. Уничтожил всё, что только мог. Разломал каждую вещь, до которой удалось дотянуться. А до чего не смог, испепелил взглядом. Но даже видеть её без сознания было не так... не так, как сейчас. Не так, как эти три дня. Я видел, как с каждым пройденным часом жизнь уходит из её тела. Необратимо, навсегда. Я наблюдал, как меркнут глаза Джил, как дрожат руки, как она тихо плачет без слёз.

И самое отвратительное в том, что я не знал, что делать. Не мог помочь. Не было возможности уменьшить её боль.

Беспомощность. Раньше я этого не испытывал.

Я перепробовал всё. И сработал единственный вариант. Я отодвигал его на задворки, но времени больше не было. Кожа Джил становилась синей, глаза начали впадать. Она бук-

важно таяла на глазах.

Я сделал то, что должен был. И за это она на меня зла. Я вижу это в её вновь оживших глазах. И пусть там будет гнев и ненависть. Плевать.

Она плачет, сидя на кровати, и снова просит меня:

– Майкл, уходи.

Разворачиваюсь и покидаю комнату. Запираю дверь и быстро ухожу наверх. Кроме Джил у меня есть и другие проблемы, нужно перевезти всех из мёртвого города в Хелл. В нашем распоряжении осталась одна машина. Военные, что прибыли со мной, пойдут пешком, не считая водителя. Не уверен, что они доберутся до Хелл живыми. Совсем нет. Выбираюсь на крышу и иду уже по знакомому мне маршруту к стене. Там, где я поднимал Джил, до сих пор стоят мутанты. Но сегодня их меньше ровно на одного. Достая рацию и связываюсь с машиной.

– Рон, ты должен быть у стены, в обозначенном ранее месте, через час. Как понял?

Тишина.

Шипение.

Ответ:

– Вас понял, Майкл.

Убираю рацию и, проверив мутантов, возвращаюсь в здание, которое когда-то являлось музеем. Но прежде захожу в соседнее. Спускаюсь с крыши и, оказавшись на последнем этаже, смотрю на покрытое тканью тело. Рядом след от кост-

ра. Полевая кухня в зомби-апокалипсис во всей своей красе. А я – кок тонущего корабля.

Завтра на закате за нами прибудет вертолёт, а людей нужно отправить уже сейчас. Прикрыв тело мутанта ещё и досками, возвращаюсь в музей. Вхожу в комнату, где на меня смотрят испуганные лица. Им страшно. Но успокаивать их или же убеждать в успехе операции я не намерен. Это люди Мишель, а значит, они являются её заботой. Не закрывая двери, отхожу в сторону и говорю:

– Вперёд.

Нестройным шагом люди выходят из комнаты, кто-то держит в руках небольшие мешки с вещами. Даже в таком месте человек умудряется к чему-либо привязаться. Всю процессию замыкает Мишель.

– Ну что там, как принцесса-кудряшка ещё не превратилась в жабу?

Ничего не отвечаю, закрываю дверь и иду за людьми. Моя задача ясна как день, вывести их из города и доставить до машины, которая уже должна подъезжать к нужному месту.

– Милый, ты в последнее время такой молчаливый, я начинаю волноваться.

– Тебе не о чем волноваться, – уверяю её я.

– Нет уж. Моя жизнь, как и многих других, зависит от тебя, и если ты будешь думать о её трупe, пока мы...

Резко останавливаюсь и, не ведая, что творю, хватаю Мишель за шею, припираю к стене и тихо требую:

– Не смей так говорить.

Девушка улыбается, её глаза горят лихорадочным блеском, она отвечает:

– Люблю грубую силу.

– Ты больна.

– Только если тобою.

– Слишком пошло, даже для тебя.

– Пошло не значит плохо.

Чокнутая.

Резку убираю руку и захожу в комнату, с которой начнётся наша дорога через город мертвых. Я первым вылезая через окно и иду по уже знакомой дороге, поднимая доски, следом идёт Мишель, а дальше все остальные. Из-за страха людей упасть вниз и быть съеденными тварями, наша процессия двигается невероятно медленно.

Мишель оступается и начинает падать вниз, это я слышу по её едва уловимому вскрику. Резко оборачиваюсь и ловлю девушку за руку. Она висит над толпой прыгающих тварей и скидывает на меня взгляд. И это первый раз, когда я вижу там страх. Всё же какое-то зерно вменяемости в ней осталось. Подтягиваю Мишель выше, как только она встаёт на ноги тут же отпускаю её руку и продолжаю движение. Доходим до нужного места. Увидев мутантов за стеной, Мишель достаёт пистолет и целится. Я быстрым движением забираю у неё оружие и убираю себе за спину.

– Какого хрена? Их нужно убрать! – возмущается она, и

мутанты тут же вскидывают головы на звук её голоса.

Я и сам знаю, что нужно убрать их, но... они могут мне понадобиться. Естественно, Мишель я об этом говорить не собираюсь. Девушка стоит, уперев руки в бока и ждёт от меня какого-то ответа или оправдания. Долго же ей ждать придётся.

Мишель всё не может понять, что я не являюсь человеком из её команды. И подчиняться избалованной девице, даже если она ведома благими намерениями, не собираюсь. достаю нож и режу себе ладонь. Спускаюсь по лестнице, и мутанты моментально оживляются. Скорее всего они голодны. Может, потеряли друга. Скучают.

– Что ты делаешь? – спрашивает Мишель, свешиваясь с края стены.

– Через минуту тут будет машина. Посади туда всех и возвращайся под купол, оставь мосты, я пока отвлеку мутантов.

– Мы можем их убить! – уже со злостью кричит она.

– Не можем.

– Почему?

Я уже спускаюсь вниз и слышу, как девушка протяжно выдыхает. На моё присутствие мутанты реагируют так же, как и несколько часов назад. Когда рядом нет Джил, я для них еда. Как только ноги касаются земли, я срываюсь с места и бегу в противоположную сторону от подъезжающей машины. Звук моего сердца, быстрая поступь шагов и аромат свежей крови для мутантов куда аппетитнее, чем безжизненный рёв дви-

гателя.

Бегу вдоль стены и прислушиваюсь к шагам мутантов, но моя цель не это. Слышу, как захлопывается последняя дверца и машина удаляется прочь. Достая лебедку и забрасываю на стену. Она ударяется и падает. Не зацепилась. Подтягиваю веревку к себе и снова бросаю. Чувствую, как мне в затылок дышит мутант. Лебедка зацепляется за стену, подтягиваю себя, но один из мутантов успевает схватить меня за ногу и откидывает в сторону. Ударяюсь о землю и проскальзываю по траве. Поднимаюсь на ноги, перехватываю удобнее нож и жертвую одним мутантом. Подпрыгиваю высоко в воздухе и вонзаю нож прямо в глаз тому, что стоит на моём пути к тонкому канату. Остальные прыгают на меня, но моя скорость не как у обычного человека и мне всё же удаётся проскользнуть под ними. Подкатываюсь к стене, встаю и, быстро перебирая руками и ногами, забираюсь наверх. Выпрямляюсь уже наверху и поджимаю губы. Мутанты начали срастаться. Сука!

Достаяю пистолет, что забрал у Мишель и делаю первый выстрел, пуля бороздит глазницу мутанта, и он оседает, но его рука уже срослась с конечностью другого, и первый не падает до конца, серое тело свисает вниз, голова наклонена назад, и это тело тянет своего партнёра по сращиванию. Стреляю в лицо второму, но пуля, что пыталась войти в мозг, застревает в центре лба. Это уже определённо нехорошо. Достаяю второй пистолет и расстреливаю голову второго. Гру-

да серости падает вниз, остальные не пытаются залезть наверх, но посмотрев за другую сторону стены, вижу, как множество тварей плетутся к ней. Тоже есть хотят. Жду пару минут, мутанты остаются за стеной. Отлично. Быстро преодолеваю расстояние до места с мостами. Мишель уже здесь нет. Как и машины. Прохожу по доскам, опускаю их и двигаюсь дальше. Нужно проверить Джил. Залезаю в окно и быстро спускаюсь в подвал.

Дверь открыта.

Чёрт!

Не слышу никаких признаков жизни. Забегаю в комнату. На кровати стоит миска. Она пуста. Выхожу из комнаты.

Куда Джил могла пойти?

Поднимаюсь в комнату, где жили люди. Я же ночевал здесь одну ночь. Последняя неделя прошла в подвале возле комнаты Джил. Открываю дверь и практически сбиваю Мишель с ног.

– И куда ты так спешишь?

Не отвечая, разворачиваюсь и бегу наружу. Если она пошла к мутантам... Далеко не факт, что они не тронут её сейчас! Твою мать! Почему с женщинами одни проблемы?

Бегу, Мишель увязывается за мной.

– Да что происходит? – спрашивает она снова. – Потерял свою зверюшку? Майкл, какого хрена?! Ты обещал мне, что она будет заперта!

Останавливаюсь и оборачиваюсь к Мишель.

– Последний раз прошу тебя. Прекрати так говорить о ней.

– А то что? Применишь грубую силу?

– И тебе это не понравится.

– Не думаю, – она подходит ко мне на шаг и, запрокинув голову, медленно поднимает руку к моему лицу. – Я хотела отблагодарить тебя за спасение.

Смотрю на неё сверху вниз. Мишель безусловно одна из лучших представителей женской красоты, но она не понимает того, что на мужчину не нужно охотиться, это его прерогатива.

– Не интересуется, – отвечаю я.

Мишель опускает свою ладонь мне на грудь, и тут я слышу звук в конце коридора. Оборачиваюсь туда, Мишель делает то же самое. В конце коридора стоит растрёпанная Джил. Босая, в черной футболке, что доходит ей до середины бедра. Она медленно идёт к нам. Она идёт! Сама! Отступаю от Мишель и иду навстречу Джил. Слышу голос Мишель за спиной:

– Держи свою зверюшку от меня подальше.

Когда я равняюсь с Джил, то вижу её пустой взгляд. Она переводит его с меня на Мишель и срывается с места. Так молниеносно, что я не успеваю её перехватить. Мои руки ловят воздух, а Джил уже оказывается возле девушки. Мишель успевает только пискнуть, а её тело уже летит в сторону откуда мы шли. Одним достаточно легким движением Джил

откидывает дочку одного из правителей Коалиции. Срываюсь с места и еле успеваю поймать Джил до того, как она достигает упавшей Мишель.

– Не смей меня так называть, – слишком спокойно говорит девушка в моих руках.

Мишель садится на полу и с ненавистью смотрит на взъерошенную Джил. Она только что удивила не только Мишель, но и меня.

– Где ты была? – спрашиваю я.

– Какая разница? – спрашивает Джил, отталкивает мои руки, оборачивается ко мне и, склонив голову набок, говорит. – Там меня всё равно уже нет.

Девушка заметно похудела, но к ней явно вернулись силы. И даже больше, чем когда-либо было. Она с вызовом смотрит на меня и спрашивает:

– Когда прибудет вертолёт?

– Завтра на закате.

– Отлично, – отвечает Джил, бросает на Мишель быстрый взгляд и уходит куда-то. Я не останавливаю её. А смотрю вслед, пока она не пропадает из виду.

– Она с нами не полетит, – сообщает Мишель, вставая на ноги.

– Полетит.

– Нет.

– Боюсь, Мишель, ты тут ничего не решаешь.

Оставляю девушку наедине с собой и ухожу в соседнее

здание, мне нужно приготовить немного специфической еды в дорогу.

Глава восьмая

Джил

Стою на краю крыши и смотрю вдаль, снизу распростерся мёртвый город, многие здания обрушены, но не критично, видимо, это поселение, как и его жителей уничтожили относительно недавно. Ведь они жили себе своей жизнью и никого не трогали. Существовали по своим законам чести и морали. Но в один день всё изменилось. Они не сдались и были обречены на погибель. Мужчины, женщины, дети и старики – они навсегда останутся призраками этого места.

Ожидание вертолета затягивается, я уже начинаю терять надежду убраться из этого гиблого места по воздуху. Знаю, что за стенами меня ожидают мутанты, что пришли сюда вслед за машиной. Чего они от меня хотят? Съесть? Сомнительно. Теперь не я для них жертва, а мутант укусивший меня, точнее, его смерть показательна, существа знают об опасности, но не уходят. Ждут. Чего-то. Сейчас моя задача немного иная, я должна добраться до папы и показать, что жива. О мутантах я подумаю позже, когда покину Коалицию.

Нахожусь в стороне от Майкла и Мишель, они тихо переговариваются, и я знаю о ком именно – обо мне. Мой слух остался прежним – заурядным, и я не слышу их беседу, но взгляды Мишель, брошенные на меня, чётко дают понять – она недовольна моим присутствием. Да плевала я на эту суч-

ку. В голове всплывает мой мастерский бросок девушкой в стену. Впервые в жизни я испытала счастье от боли другого. Ужасно всё это.

Я зла. Ненависть и ярость перетекают по венам, и дают мне беспрецедентную силу. Незнакомец внутри меня рад ярости и готов подкармливать меня, подбрасывать щепки в и без того яркое пламя.

Я очень злюсь на Майкла за то, что он заставил меня съесть, а на Мишель – за то, что она вообще существует. Я вижу, как зеленые глаза девушки практически неотрывно следят за мной. Да я бы на её месте тоже опасалась. То, что происходит со мной, это... удивительно ужасно. Я больше не испытываю голода, после того что я съела, я ощутила максимальное насыщение. Незнакомец внутри меня ликовал. Он просился на волю, и я отпустила вожжи. Он повёл меня вон из здания, и я последовала. Он заставлял бежать по крышам, и я бежала. А потом резко остановилась и, посмотрев вокруг, осознала, что жива. Я жива, но неужели мне нужно будет питаться мутантами? Это настолько отвратительно в моральном плане, но я не чувствую даже тошноты. Мой слух и зрение не изменились, но я стала сильнее. И эта сила пьянит. Она даёт уверенность, что больше никто не сможет причинить мне вред.

Стоя на крыше, я медленно сжимаю пальцы в кулаки и ощущаю себя непобедимой. И я больше не боюсь. Не боюсь высоты. Не боюсь мутантов и тварей. Не боюсь физической

боли. Это настолько необычно, что я сама начинаю казаться себе незнакомкой. Но эта незнакомка мне определённо нравится. Как недавно сказала Мишель? Лучше быть сукой, чем забитой мышью? Как не печально признавать, а Мишель была права.

– Летит, – говорит Майкл, и я оборачиваюсь в их сторону.

Солнце уже село, тихий ветер треплет волосы и посылает мурашки по голым рукам. На мне военные штаны, футболка и мои старые ботинки, остальные вещи беглецы прихватили с собой, вероятно решив, что мертвецу они ни к чему.

Обернувшись, встречаюсь взглядом с Майклом и тут же отвожу глаза. Мне ему пока сказать нечего. Но он уже сообщил мне о многом. Ещё до того, как мы покинули подвал, Майкл рассказал, что за нами прилетит вертолёт. Он переправит нас к окраине столицы. Дальше нас заберёт машина, и мы будем скрываться в Кортрок в течение двух дней. А потом мы посетим приём, где мой папа и мистер Хантер должны продать свои города за коврижки, предложенные Коалицией. Что всё это время буду делать я? Ничего. Я должна просто не мешаться под ногами. Главное для плана папы и мистера Хантера – наличие на приёме Мишель. Мы же с Майклом будем просто её тенью. Никто из Коалиции не видел наши лица, и вообще им неизвестно о нашем существовании.

Наблюдаю за приближением тёмно-зелёного вертолёта. Я никогда не летала на таком. Да и ни на каком другом тоже.

Великолепная и агрессивная машина приближается к нам и поднимает ветер винтами. Шум становится настолько громким, что я не с первого раза слышу, как Майкл зовет меня по имени. Прикрываю лицо рукой, спасаю его от хлестких ударов собственных волос. Железная птица приземляется, но винты не прекращают вращаться. Мишель первая забирается внутрь. Майкл ожидает меня, протянув руку в мою сторону, ещё раз смотрю на вертолёт и, откинув сомнения, иду к машине. Майкл забирается после меня, закрывает дверь, становится ненамного тише, и мы тут же взмываем ввысь.

Необычное ощущение – парение в воздухе. Дух захватывает. Вертолёт стремительно несется вперед и это вызывает улыбку. Мне нравится. Незнакомцу тоже.

Так проходит какое-то время, я глазею на леса и поля, холмы и давно рухнувшие поселения, те, что даже не успели воздвигнуть стены, они были уничтожены шестьдесят лет назад и теперь они больше похожи на джунгли, нежели на города. Пару раз замечаю внизу движение, но с высоты невозможно понять, мутанты это, люди или животные. А потом я лицезрею невероятное. Тысячи огней освещают город огромных размеров. Сердце столицы Коалиции и вовсе пестрит яркими красками и высотными зданиями. Прижимаюсь ещё ближе к окну и протяжно выдыхаю – это невероятно, завораживающе и невозможно. Складывается ощущение, что апокалипсис не коснулся высоких стен Кортрок. Машина минует центр и уносит нас ближе к окраине. Чем дальше мы отдаля-

емся от сердца города, тем ниже становятся здания, а яркие краски теряют свою привлекательность.

Садимся далеко от центра великолепия, мне удаётся увидеть высоченную стену, не имеющую ни конца, ни начала. Она состоит из прямоугольных металлических блоков, что отдалённо напоминает стену кирпичного дома, это сооружение поднимается достаточно высоко, а заканчивается оно острыми пиками, со слегка загнутыми краями, как мухоловка. Тут даже армия сросшихся мутантов не страшна. Непрístupная крепость. Увидев это своими глазами, я понимаю стремление мистера Хантера и папы обезопасить наши города от Коалиции. Мы по сравнению с ними – ничтожно малы.

Выходим из вертолётa, только когда винты прекращают вращение. Неожиданно становится очень тихо, феерия отходит на задний план, и незнакомец хмуро уходит на задворки моего сознания. Ему нравятся драйв, страх, сила, агония и адреналин. Стоит мне успокоиться, как незнакомец отступает, эмоции стихают, следом за ними уходит и сила. Дверь открывается, и мы покидаем чудо-птицу. Хочу себе такую.

На улице достаточно прохладно, ступаю позади Майкла и Мишель по идеально ровному влажному асфальту. Видимо, недавно прошёл дождь. Воздух свежий и живой. Ветерок поднимает волоски на руках, обняв себя, останавливаюсь.

– Добро пожаловать домой, мисс Родригез, – говорит высокий статный мужчина в чёрном костюме. Его живот настолько велик, что пуговики на белой рубашке протяжно сто-

нут. – Мы слишком долго ждали вашего возвращения.

– И вот – я здесь, – отвечает мисс сучка.

Боже, откуда во мне эта злость? Я ведь такой не была. Но должна себе признаться, Мишель меня очень раздражает. И видя, как она тянулась к Майклу в мёртвом городе, я не стерпела. Банальная и печальная ревность толкнула меня на то, что я совершила. И самое ужасное, что я в этом не призналась. Солгала, показав, что меня задело её пренебрежительное отношение к моей скромной персоне. Правду знаю только я и незнакомец, что помог бросить Мишель о стену. Знали бы вы, как он веселился, возможно, больше, чем я.

Мужчина отступает в сторону и указывает нам на невозможно длинную чёрную машину с тонированными окнами. Бросаю взгляд на Мишель, потом на Майкла. Неужели мы поедем на столь роскошном автомобиле? А как же конспирация и осторожность? Лимузин и в лучшие времена Земли был приметным, а сейчас и подавно. Решаю ничего не говорить по этому поводу, как и по любому другому. Идём к машине и забираемся внутрь, мужчина, приветствовавший Мишель, что-то отдаёт Майклу и уходит, садится за руль и поднимает перегородку. Внутри тепло, белый кожаный салон, простор и дороговизна.

Нас увозят практически в центр города. Проезжая мимо миллиарда огней, я не могу оторваться от затемненного окна машины. Вид настолько великолепный, что у меня захватывает дух от каждого здания. Божественно. Но когда мы вры-

ваемся в поток машин я вовсе теряю дар речи. Такого не бывает в нашем мире. Я видела старые снимки и даже листала несколько книг, но вживую – это бесподобно.

Машина останавливается на одном из перекрёстков, и я вижу настоящую жизнь. Она кипит. Бурлит и будоражит. Несмотря на тёмное время суток, здесь уйма народу. Люди куда-то идут. Все. Одновременно и в разные стороны. Такого движения в Хелл и в Кресте никогда не было, даже в самый солнечный летний день.

Машина поворачивает направо, и мы проезжаем ещё буквально пару перекрёстков. Автомобиль останавливается прямо на улице, Мишель накрывает голову капюшоном, и мы покидаем тёплый просторный салон.

– Нам сюда, – говорит девушка, кивая на огромную высоту. Поднимаю голову вверх, и она тут же начинает кружиться. Этажей пятнадцать, не меньше. Мишель уверенным шагом поднимается по бледно-розовым ступеням и, словно по мановению волшебной палочки, стеклянные двери раскрываются перед ней. Мы следуем за ней по просторному холлу. Навстречу нам движется мужчина, он даже не обращает на нас внимания, а вот я внутренне напрягаюсь. Везде ищу подвох. Ловушку или западню. Мишель уверенным шагом продвигается к задней части светлого холла, – это её мир и видно, что долгое отсутствие не сбilo спесь с девушки. Она как рыба в воде, как самая опасная акула в окружении мелкого планктона. Высоко подняв подбородок, она минует простор-

ный холл и подходит к стене. Нажимает на кнопку, и двери разъезжаются в стороны. Это лифт. Вау!

Входим внутрь и поднимаемся на четырнадцатый этаж. С первым толчком лифта я вздрагиваю. Поднимаемся ввысь, а сердце уходит в пятки. Когда-то для людей лифт был не в диковинку. Но ведь и сейчас есть люди, которые не удивятся чуду инженерии. Они-то и живут в столице Коалиции – Кортрок. Какими бы отвратительными личностями не были правители, они проделали колоссальную работу по сохранению этого места. Не так просто заставить летать вертолеты и ехать лифты после апокалипсиса, но они сделали это. Войдя внутрь номера, я тут же иду к огромному панорамному окну.

Этот город прекрасен. Будь всё иначе, я бы хотела остаться здесь. Не знаю, как буду жить в доме, где погибла мама. Где она была убита.

– Чувствуйте себя как дома, – говорит Мишель и уходит вглубь номера.

Оторвавшись от феерии за окном, ухожу в ванную. Выкручиваю кран и наполняю белоснежное блестящее джакузи. Заливаю в теплую воду вкуснопахнущее содержимое разнообразных баночек, что расставлены по всем полкам, и скинув одежду, забираюсь в воду. Фух. Горячее, чем я думала. Пар клубится, сгребаю белую пену ладонями и сжимаю пальцы в кулаки. И улыбаюсь. Не знаю чему именно, просто я рада, что жива. Рада, что не обратилась в мутанта, рада, что лежу в красивом месте, в горячей ванне. Много ли для счастья

нужно? Купаюсь, соскребаю с себя грязь, нахожу в тумбочке слева средство для избавления от ненужной растительности. Зависаю в ванной на час, не меньше.

Я сполна наслаждаюсь дарованной передышкой.

Оказавшись снаружи, замотанная в полотенце, встречаюсь взглядом с Майклом, он стоит на том же месте, где ранее находилась я – у окна. Медленным взглядом Майкл исследует моё тело, остановившись на глазах, он указывает на кровать и говорит:

– Одежда.

Подхожу, забираю сумку и снова возвращаюсь в ванную. Распаковываю пакет и достаю оттуда черные джинсы, серый свитер, нижнее бельё и белые кроссовки. Не веря, смотрю на бирки. Новая одежда. Из магазина? Я словно попала в тот мир, который был ранее мне недостижим. Разматываю полотенце с головы, обмакиваю влажные волосы, прежде чем одеться, немного медлю, смотря на нижнее бельё в моих руках. Выходит, это Майкл выбрал? То есть, я сейчас выйду за дверь, и он будет знать, что на мне под бесформенным свитером и облегающими джинсами. Белоснежный комплект из невероятно мягкой гладкой ткани, который идеально подходит мне по размеру. Щеки моментально алеют. Срываю бирки, поспешно одеваюсь и выхожу из ванной, высоко подняв подбородок, но он быстро падает на своё привычное место. Мишель и Майкла нет. Конечно же, у них там гиперважные дела. Снова подхожу к окну и смотрю наружу. Прислоня-

юсь рукой к прохладной гладкости стекла, вокруг теплой руки окно отпотекает. Отнимаю ладонь, и какое-то время след остается на месте, но потом он пропадает. Как и всё в этом мире.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.